

Ирина Енц

МЕДВЕДИ ТОЖЕ
УМЕЮТ ЛЮБИТЬ

Камень Демиурга
Книга первая

16+

Ирина Юльевна Енц Медведи тоже умеют любить. Камень Демиурга. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68288737

SelfPub; 2022

Аннотация

Работала себе Катерина в тайге не один год, ловко управляла своим большим коллективом, и тут случилась небольшая неприятность. Молодой сучкоруб ногу топором повредил. Благо, рядом обретался старый знахарь, который и помог парня на ноги поставить. И вот тут все и началось. Неожиданно выскочивший из леса медведь оказался другом самого знахаря Прона и его ученика странной внешности по имени Один. А неподалеку находится странное место под названием Медвежий Яр с двумя каменными глыбами по центру поляны. И слухи об этом месте ходят нехорошие, и старики считают это место проклятым. А тут еще, как на грех, беглые зэки объявились, которых приняли к себе на работу странные люди, назвавшиеся «этнографической экспедицией». Прон, Один и Катерина оказались в самом эпицентре событий. Им предстоит сберечь тайну Медвежьего Яра, которая скрывает знания древнейшей

Северной Цивилизации. Дружба и любовь, преданность и верность, неизменные ценности. Именно это и спасет мир от неминуемой катастрофы.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	69
Глава 8	82
Глава 9	96
Глава 10	107
Глава 11	117
Глава 12	129
Глава 13	140
Глава 14	151
Глава 15	161
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Ирина Енц
Медведи тоже умеют
любить. Камень
Демиурга. Книга первая

Другу, Сан Саньичу, лесничему, погибшему от пули подлещика, посвящаю...

Пастух медведей!

Выжженный на лбу

Извечный титул...

Вызов Вере в небо,

Вселенной, раздувающей клобук,

И Року, обесцветившему небо...

(Андрей Белянин)

Пролог

Он умирал... Или, думал, что умирает. Небо над головой крутилось, словно водоворот, затягивая его в неведомые глубины. И он подумал, может там, в этих глубинах его будет ждать что-то иное, лучшее? Может и не стоит так цепляться за эту жизнь, в которой нет ничего кроме муки и боли? У него хватило сил усмехнуться. От этой простой и почти, незначительной мимики, свело судорогой лицо. Неужели так-таки и ничего? Он вспомнил смеющиеся глаза, цвета липового меда, словно у рыси, с зеленым оттенком и несколькими крапинками у самого зрачка. Он всегда почему-то смущался под ее взглядом. Ему казалось, что она смотрит куда-то в самую глубь его души, и может там увидеть все сокрытые и тщательно оберегаемые мысли, что она знает о нем больше, чем он сам знает о себе самом. Или, даже не так... Она может увидеть правду, в которой он даже сам себе боится признаться. И в то же время, это было так удивительно и чудесно, потому что не надо больше ничего скрывать и притворяться, зная, что она принимает его таким, какой он есть, все поймет и ни за что не осудит. Так что, наверное, не все было так плохо, а значит, за эту жизнь еще стоит побороться!

Он с трудом перевернулся на бок, и не смог сдержать стона. Боль как будто резала его пополам раскаленной ржа-

вой проволокой, и он стал опасаться, что сейчас, прямо в этот момент, его тело развалиться на две части. Полежав так несколько минут, а может быть и часов, (он не знал этого, время вообще утратило свою власть над ним) он, наконец, сумел выдохнуть. Затем он попытался встать на четвереньки. Уже с третьей попытки ему это удалось. И это необычайно вдохновило его. Боль, конечно, никуда не делась, но, наверное, он просто привык к ней, отогнав ее в дальние уголки сознания, поэтому уже почти не чувствовал ее. Она как бы стала существовать сама по себе, отдельно от его сознания. Человек ко всему привыкает, и к боли тоже. Постояв некоторое время в этой первобытной позе, он попробовал оглядеться. Это опять вызвало сильное головокружение и тошноту. Но, желудок уже был давно пуст, поэтому дело закончилось несколькими болезненными спазмами. Отдышавшись, он стал медленно, не вставая с четверенек, передвигаться, к большому камню, стоящему всего-то в метрах десяти от него, который он сумел разглядеть. Но, для него сейчас, это расстояние приравнивалось к расстоянию почти, как до луны.

Он вспомнил, как ОНА любила повторять: «Дорогу осилит идущий». Цитата из Святого Писания. Раньше он почему-то никогда не задумывался глубоко над этой фразой, хотя, неплохо знал Библию. Полностью осознав всю мудрость этой фразы только сейчас. Так часто бывает. Мы слышим какое-нибудь выражение, которое часто употребляют люди,

и словно смысл его затирается из-за этого частого повторения, и уходит куда-то вглубь, как рыба, сорвавшаяся с крючка. Он полз по направлению к камню, а сердце останавливалось в груди при каждом движении, которое причиняло ему нестерпимую боль. Легче было лечь и умереть. Но, он не мог позволить себе такой роскоши. Не сейчас. Несколько недель назад, наверное, даже бы и не задумался, просто подчиняясь обстоятельствам. А сейчас, нет. Иначе рысьи глаза с крапинками около зрачка могут погаснуть навсегда. Он почувствовал соленый вкус во рту с привкусом металла. Сплюнул на землю скопившуюся во рту кровь. Плохой признак. Но, лучше об этом не думать. Наконец, его голова уперлась в твердую шершавую поверхность огромного валуна, словно заброшенного сюда рукой неведомого великана – волота¹. Осторожно перебирая руками по шершавому боку камня, с большим трудом удалось подняться. Боль терзала его тело, но это стало уже привычно. Он постарался отключить свое сознание от боли, словно, выдернуть из розетки штепсель, как учил его старик. Это дало определенные результаты. Но, выступившая испарина на лбу показывала, каких усилий ему это стоило.

Он стоял, опираясь о теплый, нагретый солнцем, бок валуна, и тяжело дышал. Воздух вырывался из его груди, словно из порванных мехов гармошки, с сипом и свистом. Эх, сейчас бы хоть глоток воды. Он знал, что неподалеку течет

---

¹ Волот – в древнеславянской мифологии раса великанов, жившая на земле.

ручей, но это самое «неподалеку» для него было все равно, что в другой галактике.

Вдруг он услышал сильный треск ломаемых веток. Через заросли пробирался какой-то крупный зверь. Он автоматически опустил руку к поясу, где у него обычно в кожаных ножнах находился его охотничий нож. И тут же вспомнил, что ножа там быть не может, потому что, он остался ТАМ. Дикае звери хорошо чуют кровь. А, видит Бог, ее было пролито здесь немало. Теперь оставалось только положиться на судьбу. Он напряженно смотрел в ту сторону, откуда доносился хруст кустов. И вот, на поляну высунулась огромная медвежья морда. Зверь потянул носом воздух и заревел. От звука его рева птицы сорвались со своих веток и заволошно, с криками закружились над лесом. А человек обреченно прикрыл глаза.

Глава 1

– Василич!!! Чтoб тебе больше удoчку в руках не держать!!! Ты что, oпять решил нас крысами накoрмить?!! – Я стояла, грозно уперев руки в бoка над oгpoмной кастрюлей, стоявшей на, выложенной из дикoгo камня прямо на улице, летней печке, под навесом рядом с дoмушкой, которая служила столовой.

Вихрастый мужичок небольшого роста, но достаточно широкий в плечах, с кривоватыми короткими ножками, словно провел пол жизни в седле, с морщинистым и обветренным до красноты, лицом, лет шестидесяти с хорошим хвостиком, выглядывал с другой стороны печи из-за этой самой кастрюли, крепко держа oгpoмный половник в руках, как последнюю надежду на спасение. Глаза у него были перепуганными и круглыми, как у сoвенка.

– Юрьна... Это ж не крысы... Это ж рябчики, рябчики это...!! Говорил он oтрывисто с легким заиканием.

Я усмехнулась.

– Видела я этих «рябчиков», шкурки вон, на пятах за дoмушкой висят. На кой они тебе сейчас сдались. Oндатру зимой бить надо.

Василич глядя на меня с сомнением, начал выползать из-за печи. А поняв, что гроза миновала, он с деловым видом пустился в oбьяснения.

– Так и что, что мех негожий на шапки? Я вон, мужикам в кирзачи стелек понаделаю, ноги никогда не промокнут. А мясо ейное, то есть ондатровое, самое что ни на есть ди-е-ти-чес-кое. – С трудом по слогам выговорил он последнее слово.

Я только головой покачала.

– А солонина у тебя на что в леднике стоит? Куда бережешь? Через пару месяцев уже и свежее мясо будет.

Василич лукаво прищурился.

– Так, мать, эти пару месяцев еще прожить надо.

Я только рукой махнула. Вот же, блин, хозяйственный ты наш! Но вступать в пререкания с ним не стала. Василич был поваром, сторожем, завхозом и добытчиком в одном лице, очень ответственным и, можно сказать, виртуозом, за какое бы дело не брался. Суп ли сварить, печь ли сложить, или добыть мясо к нашему столу. Ко всему прочему, спиртным не увлекался. Ну, так, иногда, по воскресеньям, да после баньки мог стопочку с мужиками намахнуть. Но, это ж было святое дело! За все эти его великолепные качества, ценила я его неимоверно. В тайге такие люди на вес золота. Он это прекрасно понимал, а также знал, что сержусь я просто так, понарошку, можно сказать для порядка, и принимал условия игры, сам получая при этом несказанное удовольствие.

Я направилась к УАЗику, нужно было ехать в деревню, забирать документы на лесосеку в лесничестве. А Василич бежал за мной, семена своими кривоватыми ножками и при-

читал, словно деревенская бабка.

— Куда ж тебя понесло-то, мать?! Ведь и не поела ничего, считай. С самого утра мотаешься, маковой росинки не было во рту. Так и с копыт скоро упадешь, как загнанная лошадь. А спрос с кого? С меня, стало быть. Мужики -то скажут, мол недоглядел ты, Василич, за Юрьной. Ну не хочешь крыс, так давай, я тебе яишенки пожарю, а?

Я отмахнулась от него, даже не останавливаясь.

— Некогда! Вечером вернусь и поем. Сейчас мужики на санях избушки притянут, так ты проследи, чтобы поставили, как я сказала. А то, сам знаешь, Петро, как обычно начнет вольничать. — Василич усердно закивал головой с самым серьезным видом.

— Это будь спокойна... Вольничать не позволю. Сама знаешь, у меня не забалуют...

Я усмехнулась. Что да, то да. При этом сам себя он называл «заместителем по хозяйственной части». Ему это придавало веса в собственных глазах, что неизменно служило предметом шуток у мужиков.

Я завела машину и развернулась на поляне. А Василич задиристо прокричал мне вслед:

— А мужикам крысы нравятся!!

Я улыбнулась. Вот ведь... Словно малые дети.

Мы уже третий день занимались тем, что переезжали на новое место. Объем лесозаготовок был здесь намного больше, и я надеялась, что на год работой мы обеспечены. Пото-

му что, перетаскивать домики, и ломать налаженное хозяйство на обжитом месте было жалко, да и достаточно трудоемко. Василич уже за неделю до того, как узнал, что будем перебираться в другое место, изнылся и изстрадался весь, потому что, приходилось оставлять на старой базе хорошую добротную коптильню, сооруженную его собственными руками с любовью и старанием. Впрочем, узнав, что на новом месте база будет стоять на берегу речушки, воспрял духом, и даже перестал гундеть мне каждый час по поводу своей ненаглядной коптильни.

Лесосеки я старалась набирать с учетом того, чтобы не приходилось часто менять место базы. Обычно, это происходило не чаще, чем один раз в год. На сей раз, я надеялась оставаться на этом месте подольше. А место было просто чудесным. Не место – настоящий Рай на земле. Маленькая речушка с простым и бесхитростным названием «Черемуха», была притоком большой сибирской реки. Название свое она получила, вероятнее всего, от обильных черемуховых зарослей по ее берегам, которые по весне одевались в нарядные, пышные и духовитые облака белых цветов. Текла она неторопливо и извилисто, беря свое начало у самых предгорий Уральского хребта. Летом это была не очень широкая река, которой больше бы подошло называться большим ручьем. А вот по весне, подпираемая ледяным панцирем большой реки, она разливалась на несколько километров, превращаясь из скромной и незлобивой девушки с покладистым ха-

рактером, в разгневанную, и обозленную фурию, сметая на своем пути все, что попадалось. У самого слияния Черемухи и большой реки, притулилась на высоком холме маленькая лесная деревушка, названная в честь речки Черемухово. Народу там жило немного, дворов тридцать, не больше. Хотя, когда-то, лет двести назад, это было довольно богатое село, со своими причалами, торговыми рядами, мельницей, маслобойней и цехом, изготавливающим глиняную посуду. Место было «проходное». Все, кто спускался или подымался по большой реке, останавливались здесь, для того чтобы прикупить мед, меха или глиняную посуду. Даже в самом Екатеринбурге масло и сыр, производимые местными маслобаями, было в цене, не говоря уже о куньих, соболиных, бобровых и лисьих шкурах. Раз в месяц здесь проходили яркие, пестрые, нарядные, как сарафан селянки, ярмарки. Но, со временем, слава Черемухова потускнела и поблекла. По большой реке перестали ходить купеческие баржи, только сухогрузы, да плоты лесосплава с горластыми и нахальными плотогонами.

Люди стали разбегаться отсюда, словно от постели умирающего старика, будто равнодушные родственники, не ожидающие от старца никакого наследства. Ну, оно и понятно, работы не стало, а, как известно, рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Сейчас в деревне работало только лесничество с небольшой лесопилкой. Остальное же население, по-прежнему, как встарь, кормилось тайгой. Собирали гри-

бы-ягоды, да увозили их за сотни верст в город, где продавали, закупаая в обмен соль, сахар, крупы и муку. Маленькая пекарня, фельдшерский пункт – вот и все блага цивилизации, которые остались тут.

Новая база располагалась от деревни километрах в двенадцати. Прежде, чем приступить к лесозаготовке, необходимо было оформить все документы, как положено. Хотя, медведь в тайге и хозяин, но законность требовалось соблюдать. В деревянном домике, стоящем на самом краю деревни, где располагалась контора лесничества, было тихо и прохладно. Запах пыли, смолистых досок и солярки витал здесь, как единственное напоминание того, что жизнь в этом месте еще теплится. За дверями с надписью «бухгалтерия» был слышен треск пишущей машинки. Бухгалтерия мне была без надобности, и я прошла дальше по коридору. Около двери с табличкой «лесничий» я слегка притормозила и постучалась. Не дожидаясь ответа, приоткрыла дверь и просунула голову. Увидела за столом довольно крупного мужчину в очках на носу, лет сорока, одетого в форменную одежду, спросила:

– Саныч, можно?

Он поднял голову от бумаг, лежащих на столе, тяжело вздохнул, как будто я пришла, чтобы вести его на казнь, и махнул рукой.

– Заходи... Ну, что, перетасили свои избушки-развальношки на новое место?

Я, усаживаясь на старый стул, обитый дерматином, обижено заметила:

– Почему это, «развалюшки»? У меня домики будут крепче, чем у иных в вашей деревне.

Он усмехнулся.

– Не обижайся, это я так. С самого утра достали, блин! Вынь и положи им сводку за неделю, сколько готового пиломатериала. А то, что у меня ни одной доброй пилы не осталось никому не интересно. Заявку еще когда в центральную контору отправил? Месяц назад!! И что? Главный механик даже не почесался! Говорит, жди очереди, ты, мол, не один такой. Очереди жди, а сводку подай сейчас! – Он отчаянно махнул рукой. Потом достал из кармана большой носовой платок с веселенькими розочками по краям, вытер лоб и выдохнул. – Скажи на милость, что нынче за лето такое? Жара, как в Африке! Скорее бы уже, что ли, осень!

Жаловаться Саныч не особо любил, но иногда позволял себе поплакаться мне в жилетку. Я сочувственно кивала, потому что очень хорошо понимала его проблемы. Сама не один год проработав в лесном хозяйстве, нахлебалась этого по самые уши, пока не ушла на «вольные хлеба». Не могу сказать, что у меня стало меньше проблем, чем раньше. Но, тут, что называется, как посмотреть. Свои проблемы решала сама, как могла, и на чужого дядю не кивала. Что, безусловно было проще, по крайней мере, в моральном плане. Саныч убавил звук, шипящей на его столе, рации, и спросил:

– Ты за документами?

Я молча кивнула. Он стал перебирать стопку бумаг у себя на столе, и, наконец извлек из груды, сколотые скрепкой документы. Протянул их мне через стол.

– Держи!

Я взяла бумаги и стала их быстро просматривать. Через минуту удовлетворенно кивнула, и собралась уже уходить, когда Саныч, заговорил неуверенно, поглядывая на меня сквозь стекла своих очков.

– Ты... это... Поосторожней там...

Я удивленно вскинула брови.

– Ты о чем? Сам знаешь, с техникой безопасности у меня все в порядке. Мужики работают грамотные, ответственные. А со спиртным у меня не забалуешь. И тебе это хорошо известно.

Он, слегка раздраженный моей непонятливостью, опять махнул рукой.

– Да я не об этом!!

Я все еще с удивлением таращилась на него.

– А о чем?

Он, гремя стулом, поднялся и вышел из-за стола, подойдя к карте лесхоза, висящей на побеленной стене, и приколотой простыми канцелярскими кнопками времен Октябрьской Революции. Я поднялась со стула и вслед за ним подошла к карте, заинтригованная до чрезвычайности. Он ткнул пальцем в участок карты, где неподалеку располагалась моя

новая база.

– Вот тут место под названием «Медвежий Яр». А в простонародье оно называется «Чертова падь». – Он со значением посмотрел на меня.

Я все еще ничего не понимала. Переводила недоуменный взгляд с карты на Саныча, ожидая дальнейших пояснений. Но, он, как видно решил, что сказал уже все, и молча буравил меня глазами. Я не выдержала первой.

– И что...? Насколько я понимаю, у меня там делян нет.

Саныч, словно сокрушаясь от моей бестолковости, покачал головой.

– Ты что, про это место ничего не слыхала?

Я отрицательно замотала головой, а для пущей убедительности, еще и плечами пожала. Лесничий опять тяжело вздохнул, и задал вопрос, который меня поверг в шок.

– Выпить хочешь?

Я таращилась на него, словно он предложил мне голой пробежаться по деревне. Особенно, если учесть, что Сан Саныч не был большим любителем спиртного, что я знала доподлинно, работая с ним уж лет пять как.

– Да, не смотри ты на меня так! – Он махнул рукой на меня. – Я чай имел виду. Сейчас тетя Шуру попрошу, она нам быстренько сообразит. Он выглянул из кабинета и зычным голосом прокричал:

– Теть Шур, организуй две кружки чая!

«Теть Шурой» звали бухгалтера лесничества Александру

Ивановну Копейкину. Но, сколько я помнила, никто ее здесь по имени отчеству не называл. Только «тетя Шура». Треск пишущей машинки, слышный даже здесь прервался. Саныч удовлетворенно кивнул головой, и уселся на свое место.

– Ну, слушай... – Незатейливо начал он.

Глава 2

Я уселась напротив стола и уставилась на Саныча изумленным взглядом. Вот, уж, заинтриговал, так заинтриговал. Раньше я за ним подобного не наблюдала. Он всегда был сдержан и строг. К чему его, собственно, обязывала его должность лесничего. А тут предстоит узнать что-то новенькое, как об окружающем мире, так и о самом Саныче. Он под моим взглядом слегка смутился, что тоже меня слегка удивило. И через пару минут, наконец, заговорил.

– Знаешь, место там чудное. Люди пропадали. – Он выпалил торопливо эти слова и уставился на меня, видимо, ожидая моей реакции.

Я все еще пребывала в недоумении.

– Саныч... – Ласково проговорила я. – В тайге люди часто пропадают. Кто заблудится и дороги не найдет, кто в болоте утопнет, а кто и на беглых эзков нарвется. Вон, тут кругом зоны за колючей проволокой. Это все нам известно и не в новинку, так сказать. Не мог бы ты поконкретней, что ли, объяснить, о чем ты, собственно, меня предупредить хочешь?

Лесничий тяжело вздохнул и посмотрел со значением, а потом заговорил шепотом, косясь на дверь.

– Место там дурное!! Люди не просто там пропадали, а **СОВСЕМ**.

Я все еще тарасилась молча на Саныча, пытаюсь понять,

что он имеет ввиду. Мой взгляд его доконал. Он как-то безнадежно махнул рукой, видимо отчаявшись объяснить мне, что он имеет ввиду. В этот момент, двери без стука распахнулись, и вошла пожилая, пышнотелая женщина с румянцем во всю щеку и лучистыми синими глазами. Очки, в которых она, по-видимому, печатала, были сдвинуты на лоб. По-девичьи тугая коса в несколько раз обвивала ее голову, напоминая золотистую корону. А у меня в голове сразу всплыли Некрасовские строки. «Есть женщины в русских селеньях...» С тети Шуры можно было смело рисовать иллюстрацию к великой поэме.

В руках у нее был простенький поднос, на котором тихонько и мелодично бренчали чайными ложками две разномастные чашки, разрисованные листиками земляники, блюдечко с маковыми сушками, кусочками сахара-рафинада, и пузатый чайник, от которого шел умопомрачительный запах летней душицы и земляники. Тетя Шура прошествовала от дверей к столу, и водрузила поднос перед Саньчем. Потом улыбнулась мне и ласково спросила:

– Катюх, ты может голодная? А то у меня есть пирог картофельный?

Я отчаянно замотала головой.

– Теть Шур, спасибо. Я не голодная. У меня еще дел по горло, а дома у меня Василич ждет с тушеной картошкой. Так что, сейчас вашего ароматного чайку хлебану, да дальше поскачу.

Тетя Шура неодобрительно покачала головой, но ничего больше не сказала, с достоинством удалилась, прикрыв за собой дверь. А я, по-видимому, заразившись от Саныча непонятной конспирацией, громко зашептала:

– Ты можешь толком сказать, что там такое, в этом самом Медвежьем Яру?

Саныч, деловито разливая чай по чашкам, с досадой проговорил:

– Да, я и сам толком не знаю. Только, иногда там люди исчезали, иногда странные вещи там происходили. А один раз, я сам видел, над Медвежьим Яром ночью свечение какое-то было.словно радуга там переливалась. Ты же знаешь, места у нас на грибы-ягоды богатые. А в том месте, так от ягоды красно все. Только никто из местных туда за ягодой не ходит. Там менгиры² стоят, прямо посередине большой поляны. То ли поселение в старые времена было какое, то ли храм. Старики разное бают. Я-то сам в бабкины сказки не очень и верю. А в тот яр у меня желания ходить нет. У нас лет шесть назад, еще, когда ты в наших краях и не работала, была лесоустроительная экспедиция. Так вот, два таксатора³, которые там пробные площади закладывали, пропали. Тогда даже военных из части привозили лес прочесывать. Так вот, не то, что самих людей, даже их следа не нашли. А инструменты

---

² Менгир – вертикальные каменные столбы, иногда до нескольких метров в высоту.

³ Таксатор – технический специалист по оценке леса и его устройству.

и рюкзаки так на поляне аккуратненько и лежали недалеко от этих самых менгиров. Правда, в рюкзаке уже зверье похозяйничало, консервы медведь, видать, раздавил. Так вот, месяца через два, один таксатор объявился. Правда не у нас, а в Пospelихе, это километров за двести от нас на север будет. Я-то сам его не видел, а наш участковый рассказывал, что он белый весь, словно старик, волосы, значит, поседели. И безъязыкий стал. Его в психушку увезли. Вот такие дела. — Вдохнул он тяжело, такая кусочек рафинада себе в чай. — У тебя там недалеко деляна будет. Уже давненько отводы у меня в столе лежат. Никто туда ехать не хотел из местных. Потому и говорю, что поосторожней там, и мужикам накажи.

Я задумалась. За мужиков у меня душа не болела. Они у меня без дела по тайге не шастали. А самой мне стало очень интересно взглянуть, что там за менгиры такие. А кому было бы не интересно? Мы посидели немного в молчании. Саныч все на меня косился, видимо хотел удостовериться, что его сообщение произвело на меня должное впечатление. Я задумчиво помешивала ложечкой чай, в который и сахар то не клала. Потом спросила у Саныча что-то о работе в лесничестве. Он ответил, и стал сосредоточенно грызть сушку с маком. В общем, от темы пропажи людей мы ушли. Еще немного поговорили с ним о своих делах. Я посетовала, что трактора ломаются часто, а он пожаловался, что мужики у него пьют часто, причем, оба старались в разговоре больше не касаться темы загадок Медвежьего Яра. Выпив чай, и не

найдя, о чем бы я еще могла его спросить, забрав свои документы, отправилась домой, на базу.

Работа там кипела вовсю. Василич с гордым видом начальника ходил по поляне, и покрикивал на мужиков.

– Сашка, тудыть твое в коромысло!! Кто ж так чокер⁴ цепляет?! Ща гляди, домушку с саней сдвинешь! Петро, а ты не газуй так! Помаленьку, помаленьку...

Не знаю, сколько бы это еще продолжалось, если бы Петро, огромный мужик, с трудом помещающийся в трактор, с большими пышными усами, делающими его похожим на рассерженного кота, не шуганул его. Высунувшись из трактора, он заорал:

– Шел бы ты лесом, Василич!! Изыдь отсель, пока под колеса не попал! У меня зеркал в тракторе нет! – Ну, и конечно, кое- что прибавил кустистое и забористое, так сказать, для ускорения процесса.

Василич что-то пробурчал себе под нос на тему «тоже мне, командир выискался», но опасливо в сторонку все же отошел. Я вышла из УАЗика, и с улыбкой наблюдала эту картину. Ну, чисто, малые дети! Тут Василич заметил меня и рысью рванул к УАЗу, на ходу размахивая руками, и вопя во все горло.

– Мать, мать...!! Все на месте!! Поставили все, как ты велела. – И с затаенной гордостью прибавил. – Я присматривал

---

⁴ Чокер – тросовая петля, используется при лесозаготовке при трелевке древесины.

тут. – Словно ожидая похвалы.

Ну, как я могла промолчать? Конечно, сказала:

– Молодец, Василич!! Хвалю!!

Одну секунду я подумала, что он, вытянувшись во фрунт, гаркнет: «Рад стараться, ваше высокородие!!». Но, обошлось. Он расцвел улыбкой, став еще больше похожим на домовенка Кузю из известного мультика.

Весь оставшийся день я занималась нашим обустройством на новой базе. Работы хватило всем. Домики для каждой бригады расставили полукругом по краю поляны, чтобы окнами они смотрели на реку. Понятное дело, пейзажем никто любоваться бы не стал, но мне казалось, что так будет правильнее. Баньку воткнули на высоком берегу, от нее уже протоптали тропинку вниз, к самой речке, где из-под большого прибрежного камня тек с радостным журчанием родник. Мой, «командирский», как назвал его Василич, домик поставили недалеко от бани. Из окна и дверей открывался прекрасный вид на заливные луга, которые шли до самого горизонта пока не упирались в большую Реку. А позади плотной стеной стоял лес. Сосны-великаны окружали базу с трех сторон, словно стражи-великаны. А я подумала с улыбкой, что под такой надежной охраной база будет, как у Христа за пазухой. В вечернем воздухе звенели вездесущие комары, пахло нагретой смолой, и спелой земляникой, которая здесь росла повсюду. Солнце валилось к закату, плавно опускаясь за Реку. Маленькая Черемуха под прощальными

лучами светила искрилась и переливалась, словно поток драгоценностей, просыпанных неосторожной красавицей -купчихой из заветного ларца.

Пока мы суетились с обустройством, Василич готовил ужин. Ворча себе под нос, что с таким «расточительством мы скоро по миру пойдем», достал из ледника, приготовленного заранее ранней весной, солонину, собираясь из нее варить щи. Когда вечером я зашла к себе в домик, у меня на столе стояла небольшая эмалированная миска, с оббитой кое-где эмалью в связи со своим почтенным возрастом, наполненная до самого края душистой земляникой. Я с благодарностью улыбнулась – «нянька» постаралась.

Зажгла керосинку, стоявшую на столе, нужно было еще посмотреть кое-какие бумаги. Завтра бригады должны начать работу, и требовалось расставить их по полянам. Ночь повисла над тайгой, словно старый абажур с бахромой над круглым столом, превращая поляну в уютный дом. Я вышла наружу и присела на крыльцо прислушиваясь к звукам ночной тайги. За всеми хлопотами, мне некогда было подумать о таинственном месте. Но, решила, что в какой-нибудь из выходных дней надо взять в лесничестве лошадь (Саньч не откажет), и проехать в ту сторону, посмотреть, что там за страсти такие в этом Медвежьем Яру.

На следующий день навалилось столько работы, что всякие мысли о тайнах и чудесах меня совершенно оставили. В одной из бригад сломался трактор, в другой молодой валь-

щик, которого совсем недавно приняли на работу, умудрился за несколько часов измотать в лохмотья цепи на бензопиле. Да, еще Василич ходил за мной по пятам и гундел, что у нас заканчиваются макароны и сахар. В общем, назревала поездка в город. А это ни много ни мало триста километров в одну сторону. Как минимум шесть часов туда и столько же обратно. Дороги по тайге не имеют асфальтового покрытия, а в некоторых местах, где они проходили по краю болот, без трактора вообще проехать было затруднительно. Трактор с собой я брать не планировала, а вот пара домкратов, топор и бензопила, всегда лежали в моем багажнике.

Короче говоря, на следующее утро, пока еще солнце потягивалось где-то за горизонтом только готовясь осчастливить мир своим светом и теплом, я выехала с базы. За старшего я оставила мастера, молодого парня по имени Андрей. Богатырем его назвать было очень трудно. Среднего роста, со светлыми, коротко стриженными волосами, которые не скрывали торчащих, словно у Чебурашки, ушей, серьезными карими глазами, и застенчивой мальчишеской улыбкой, которая вводила в заблуждение многих людей, кто не знал его довольно близко. Но, я-то очень хорошо знала, на что этот невзрачный паренек способен. Со мной он работал уже три года, начав свою «карьеру» с простого сучкоруба. В лесу он был не новичок. Несмотря на свои двадцать восемь лет, умудрился уже отсидеть в тюрьме четыре года за разбойное нападение, повалить лес в тайге, и много чего еще повидать

в этой жизни. А после выхода на волю, решив, что работа в лесу ему нравится, устроился ко мне сучкорубом. Был он младше меня всего-то лет на восемь, но, как и все мои мужики из бригад, называл меня «мать». Я не помню, кто первым стал так меня называть, но вскоре, никто из работников ко мне по-другому и не обращался. По первости меня это слегка сместило. Как тут не улыбнуться, когда джудие мужики с седыми головами и бородами, против которых я выглядела щуплой пигалицей, годившейся им дочери, называют меня вполне серьезно и уважительно «мать». А потом, я привыкла, и перестала на это обращать внимание, принимая как должное. Прошлого Андрея, как, впрочем, и многих из моих работников, меня не особо волновало. В тайге было важно только одно – какой ты человек сейчас. Видит Бог, многие совершают ошибки в своей жизни, особенно по молодости и глупости. Но, кто-то это понимает и пытается исправить свою судьбу, а кто-то продолжает, сложив лапки как-то под горку колобком, не пытаясь бороться. Так ведь легче! Андрей относился к первой категории. Человеком он был хорошим, я бы даже сказала, душевным. К работе подходил с серьезной сосредоточенностью, любил лес по-настоящему, глубоко, и ценил в людях честность, несмотря на свое прошлое. И мне только оставалось гадать, какая нелегкая его занесла в неподходящую компанию, в результате дружбы с которой, он оказался в тюремном заключении. Но, в душу к парню я не лезла. Решив, если захочет поделиться, сам рас-

скажет. Но, несмотря на его довольно дружелюбный и незлобивый характер, мужики его побаивались. Хотя, среди них были и такие, для которых четыре года были только малой частью времени, проведенного в зоне. Возможно, потому что Андрей не пил, к делу относился серьезно, разгильдяйства не терпел, и дело свое знал получше любого выпускника лесной академии. Рука у него, несмотря на весьма щуплый вид, была тяжела и стремительна, как копыто норовистого коня. И некоторые в полной мере успели это уже оценить. Но, так как я рукоприкладство не одобряла, прибегать к нему у Андрея случалось нечасто. Мужики на него обиды за это не держали, понимая, что получали за дело. А что самое важное, слово его было покрепче железа. Это качество в тайге ценилось превыше всего. Думаю, именно эта черта его характера заставляла относиться к нему с уважением и легкой опаской всех моих работников, что называется, от мала и до велика.

Так что, уезжала я, как говорится, со спокойной душой. Ну, или почти, со спокойной. Отдав последние распоряжения Андрею и Василичу, я села в УаЗик, коротко посигналив, а Василич украдкой перекрестил меня вслед.

Глава 3

Моя поездка в город слегка затянулась. Во-первых, добралась я туда только к обеду, когда нужные мне магазины закрылись на перерыв. Пришлось ждать, а когда открылись, то выяснилось, что нужных мне железяк там не было, и пришлось немного поколесить по городу. В общем, коротко говоря, до вечера управиться не успела, поэтому пришлось заночевать в гостинице. За мужиков я не волновалась, они знали, что в случае чего, волноваться и искать меня надо было начинать только на третий день. На обратной дороге заехала на продовольственную базу и закупила все по списку Василича. От себя прибавила еще по ящичку халвы, печенья и карамели. Все мужики любили сладкое, и мне хотелось их хоть немного побаловать.

Домой добралась только к поздней ночи. Василич сидел на крыльце столовой, чувствовалось, что поджидал меня и волновался. По тревожному выражению его лица, я сразу поняла, что что-то случилось. Я, не тратя времени на лишние разговоры, сразу приступила к делу.

– Василич, что случилось?

Он, вроде бы собрался увильнуть от прямого ответа, стараясь заговорить мне зубы.

– Да, все в порядке. С чего ты взяла? Давай, я мужиков сейчас свистну, они машину разгрузят, а я тебя покормлю,

голодная, небось?

Я нахмурила брови, и со значением посмотрела на своего завхоза.

– Ты мне зубы не заговаривай. С машиной успеется. И мужиков «свистеть» не надо. Время позднее, им завтра с утра на работу. Сами управимся. Ты лучше скажи, что случилось?

Он опять попробовал увильнуть.

– Да, с чего ты взяла -то? Я ж говорю, все у нас хорошо...

Я ему ласково улыбнулась, и проникновенно проговорила тихим голосом:

– Ох, Василич, с огнем играешь...

Тот повесил понуро голову и ворчливо произнес:

– Ничего особо страшного и не произошло. Колька, ну тот, сучкоруб из третьей бригады, который самый молодой... Неудачно топор соскользнул, да по ноге. Хорошо, скользом прошло, кость не задета. Но, рана глубокая, зашить бы надо. Кровищи было... Мы его перевязали, йодом обработали. – Потом опасливо посмотрел на меня. – Мать, я из твоего запаса бутылку достал. Ну, сама понимаешь, такое дело... В общем, ему наркоз требовался. Ну, а мужики остатки себе забрали. Сказали, мало ли что, вдруг ему ночью еще наркоз понадобится... – При последних предложениях он стал от меня упорно прятать глаза, и уже походил не на домовенка Кузю, а на большого дворового пса, который по нечаянности спер у хозяина кусок мяса со стола.

Я махнула рукой, мол, хрен с ней, с бутылкой, на что Ва-

силич, не скрывая облегчения, радостно заявил.

— Ну, так и я ж так думаю. Ведь не для озорства бутылку-то взял, для дела!

А я, усмехнувшись, подтвердила:

— Для дела — это святое. Лучше скажи, как он сейчас? Стоит его подымать и тащить в деревню или до утра терпит?

Василич пожал плечами.

— Думаю, терпит. Там ничего особо страшного нету, да и мы рану ему сразу обработали. Андрюха молодец, сразу подсуетился, еще и бригадиру нагоняя дал, что сразу по рации его не вызвал. А Юрик он же на тракторе работал. Откуда ему знать, что там случилось. Это уж когда Колька орать на всю тайгу начал, да руками махать, только тогда и понял, что что-то случилось.

Я тяжело вздохнула. В общем-то, ничего особенно страшного не произошло, раз кость не задета. Но, на всякий случай, пошла сама глянуть к домику третьей бригады. В окне теплился огонек керосинки. Я, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить мужиков, осторожно открыла дверь. За столом сидел Андрей и увлеченно читал какую-то книгу. Услышав, как за его спиной скрипнула дверь обернулся. Увидев меня, закрыл книгу, и я успела увидеть название «Таксация леса и лесоустройство». Удивленно хмыкнула, но ничего не сказала. Всегда радуется, когда люди стремятся к знаниям.

Я тихонько поманила его пальцем, и сама вышла на улицу. Андрей вышел вслед за мной, и виновато проговорил тихим

ГОЛОСОМ:

– Прости, мать, не доглядел. Этот балбес топор как следует не наточил, вот по сырому сучку и срикошетило. Я уже Юрку хвоста накрутил. Если ты бригадир, то обязан за своими работниками смотреть. – Он махнул рукой. – Да, чего там! И сам виноват. – Покаянно вздохнул он.

Я не стала распекать его за недогляд. К чему, если человек и сам все понимает. Похлопала его по плечу.

– Ладно, Андрюш. Лучше скажи, как он сейчас?

Андрей пожал плечами.

– Да, вроде бы все нормально. Уснул. Василич водки принес, видно у тебя взял. Вот мужики ему «наркоз» и выписали. стакан заставили навернуть. А Колька, парнишка молодой, к таким дозам непривычный. Выпил с перепугу, и почти сразу отключился. Сейчас спит. Думаю, лучше не будить.

А я вспомнила фельдшерский пункт в деревне, в котором, кроме бинтов и ваты не было ничего, и тяжело вздохнула.

– Хорошо. Иди отдыхать. Завтра рабочий день никто не отменял.

Он вопросительно посмотрел на меня.

– Как сама то съездила? Поди, машину надо разгрузить?

Я только рукой махнула.

– До утра терпит, иди ложись.

Андрей согласно кивнул, и отправился обратно в домик. Огонек керосинки в скором времени погас, и я более или менее успокоенная, пошла к столовой, где неугомонный Ва-

силич начал таскать ящики из машины, ворча при этом:

– Все я, везде я... А эти бугаи дрыхнут, им и дела нету...

Я остановила его трудовой порыв.

– Василич. Иди отдыхать. Завтра мужики утром все разгрузят. А до утра ничего с продуктами в машине не случится.

Василич, тащивший в этот момент очередную коробку, пробурчал:

– Ладно, последняя.

Я уселась на крыльцо столовой и уставилась в звездное небо, вяло отмахиваясь от комаров, звенящих над ухом. Завхоз вышел, проследил мой взгляд на небо, как видно, ничего для себя интересного не увидев, уселся рядом со мной.

– Пойдем, покормлю. Голодная же поди. – Сказал тихо.

Я вяло отмахнулась.

– Не хочу... Устала очень. Пойду ложится.

Василич неодобрительно покачал головой, и что-то пробурчал мне вслед. Я, не оглядываясь, махнула ему рукой, пожелав спокойной ночи. Уснула я сразу, едва моя голова коснулась подушки. Наверное, мне снился какой-то кошмар, потому что, проснувшись я резко, вскочив с кровати. Моя рука автоматически нырнула под подушку, где у меня, по старой привычке, лежал охотничий нож. В избушке было темно. В окне было видно звездное небо, а тишина вокруг стояла такая, что закладывало уши. В тайге ночью никогда не бывает ТАК тихо. Это первая мысль, которая пришла мне в голову. Какое-то беспокойство не позволяло мне улечься опять

в постель. Это всепоглощающая тишина, да еще, наверное, дурацкий сон, из-за которого я проснулась. Я быстро натянула спортивный костюм, поверх накинула на плечи шаль, и, чуть ежась после пробуждения от ночной прохлады, вышла на крыльцо. От реки поднималась зыбкая кисея тумана, наверное, скоро рассвет. Хотя, небо на востоке еще не утратило своей темно-синей окраски. Даже комары не звенели над головой. Только было слышно, как едва журчит на камнях речка. Я медленно пошла по периметру поляны, внимательно прислушиваясь. Тишина была полной. Словно, я осталась одна во всем мире. Мне стало как-то не по себе. Вернулась к домику, и присела на крыльцо, стараясь себя убедить, что все это из-за дурацкого сна. Что мне приснилось, убей меня, не помнила совсем. Только какое-то ощущение напелзающего страха, от которого остался кисловатый привкус во рту.

Млечный путь перечеркивал небо напололам, звезды мерцали ярко и холодно. Я опять поежилась и встала с крыльца, собираясь войти в домик. До рассвета еще несколько часов, которые можно употребить гораздо с большей пользой, нежели сидеть на крыльце, да глазеть на звезды. К тому же, завтра предстоял тяжелый день. Я мысленно хмыкнула. А у меня здесь бывают легкие дни? Что-то я таковых припомнить не смогла. И тут, в этой полной тишине, над тайгой вспыхнули два радужных столба. Казалось, начинаясь где-то за лесом у самой земли, они упирались в самое небо. Я остановилась, как вкопанная, таращась во все глаза на эту неви-

данную, прекрасную и, одновременно жутковатую картину. Свет в них переливался, словно бензиновые пузыри на поверхности лужи. Это было потрясающее, невероятное и какое-то нереальное зрелище. Я подумала, что лесничий мне об этом рассказывал, правда, я не особо ему поверила, приняв все за его фантазии. Ан, нет! Саныч не фантазировал! Мне захотелось прямо сейчас отправиться туда, в этот загадочный Медвежий Яр. Но, я понимала, насколько это было бы глупо и безрассудно с моей стороны.

Я стояла и любовалась этим чудом, вспыхнувшим над тайгой, не замечая времени. А между тем, полоска на востоке начала сереть, а свечение стало меркнуть, стаивать, стекая вниз, словно мороженое под лучами жаркого солнца. И когда вспыхнул последний оранжевый луч, на одно короткое мгновение осветив всю нашу поляну, на самом ее краю я заметила человека. Потрясла головой, несколько раз моргнула, и опять посмотрела на то место. Там никого не было, только шевельнулись кусты черемухи, то ли от ветра, а то ли взлетела ночная птица. Наверное показалось. Откуда здесь взяться человеку, если вокруг на несколько десятков километров никого кроме нас нет? Деревня далеко. Не думаю, что кому-нибудь из жителей пришла бы охота по ночи по тайге шариться. А свои все по домикам спят. Так что, скорее всего, мне это просто привиделось. Ветка закачалась от взлетевшей птицы. Да, и свет освещал поляну только каких-нибудь пару секунд, чтобы можно было как следует разглядеть на таком

расстоянии. А еще, устала я, да сон кошмарный приснился. Вот и мерещится черте чего, чего и в помине нет! Тут я сообразила, что вроде как, уговариваю сама себя. А означало это то, что все-таки, я видела кого-то или что-то. Тьфу ты, напасть какая!! Будто у меня других забот нет, как со всякой чертовщиной тут разбираться!

Я еще постояла несколько минут, напряженно вслушиваясь в тишину, но, ничего не услышала. Вздохнула тяжело. Досыпать идти я смысла не видела. Ну, во-первых, все равно теперь не усну, буду думать, да фантазиями заниматься. А, во-вторых, уже скоро рассвет, и часа через два все равно уже придется вставать. Прибывать в сомнениях долго я не привыкла. Поэтому, развернувшись, вошла в дом, нашла фонарик, прихватила из-под подушки свой нож, и решительно направилась в сторону кустов, где, как мне казалось, я кого-то видела.

Искать следы в тайге не просто, особенно ночью. И, наверное, я бы их не нашла, если бы не знала где и что искать. Он был осторожен, очень осторожен. А еще был опытным таежником. На земле осталась только вмятина от его ног, едва видная на прошлогодней листве и хвое, по которой трудно вообще было сказать, что это такое. А вот с кустом черемухи он был не настолько осторожен. Видимо, торопясь скрыться, неаккуратно опустил ветку, и она сломалась. Слом был совсем свежим. Я погасила фонарь, вылезла из кустов и задумалась. Вот только этого мне еще и не хватало! Какой-то

чужак ходит кругами около нашей базы. Черт, хоть собаку заводи!! Хотя, я знала, что это бесполезно. У нас уже была одна собака, которую по зиме загрызли волки. Подвергать другую животину опасности, и подсовывать ее на корм волкам, у меня не было ни малейшего желания. Надо поговорить с Санычем, может тут какая заимка где есть, о которой я ничего не знаю. За этими мыслями, я не заметила, как заалел восток, и первые лучи брызнули из-за горизонта. Грянул птичий хор, радуясь солнцу и новому дню.

Глава 4

Рабочий день начался, как всегда, с двух ведер на голову ледяной родниковой воды и кружки крепкого кофе. Мужики уже разгрузили машину, позавтракали и сейчас заводили своих боевых коней. Оставив Андрея на базе, я взяла с собой Василича (ему надо было мукой на пекарне затариться) и Кольку, нашего пострадавшего сучкоруба. Парнишка чувствовал себя неважно. То ли от раны, которая у него болела, то ли от вчерашнего стакана водки, который его заставили выпить мужики.

Приехав в деревню, мы первым делом направились в фельдшерский пункт. Пожилой сухонький дядька в круглых очках, которые делали его похожим на мудрого филина, с пушистым венчиком седых волос на голове вокруг выдающейся лысины, встретил нас на крыльце. Звали его Федор Иванович Корсаков, и был он местным фельдшером. Несмотря на свою благостную внешность, нрав имел довольно суровый, крутой и деревенские его немного побаивались. Мог, когда надо и словом крепким приложить, да и чем-нибудь, что под руку подвернется, а если ничего подходящего не было рядом, то и кулаком заехать.

Он был не местным. Когда-то, очень давно, он попал в Черемухово по распределению после окончания медицинского училища. Женился тут, тут же и детей вырастил. Дети разь-

ехались по городам, жена умерла, а он так и остался в деревне. По его собственному выражению, прирос корнями, так сказать.

По неизвестной для меня причине, Федор Иванович ко мне благоволил. Иногда, когда у меня была свободная минутка, (а такое случалось не очень часто) я забежала к Корсакову, обязательно прихватив с собой какой-нибудь гостинчик из леса: баночку земляничного варенья, соленых груздей, или копченую щуку. Все это мой завхоз умел готовить превосходно, чем вполне обоснованно гордился. Федор Иванович знал бесчисленное количество разных историй, местных баек, легенд, которые усердно коллекционировал, записывая в толстую «амбарную» книгу, и которые мог мастерски пересказывать. Мы садились на веранде его небольшого домика, пили чай, и, замирая от предвкушения, я ожидала начала его историй. Редкие встречи с Федором Ивановичем с традиционным чаепитием, заменяли мне театр и кино, и разные другие развлечения цивилизации, от которых я уже почти отвыкла, долгое время работая в лесу. И должна сказать, эти неспешные посиделки с его рассказами намного превосходили по своей значимости для меня все театры и кинотеатры вместе взятые. Рассказчиком он был умелым и очень артистичным. И я сожалела только об одном, что не так часто могла себе позволить подобный праздник души. Хотя, если разобраться, то в театр мы тоже не каждый день ходим.

Заметив издали мой УАЗ, он отставил кружку с чаем на перила, отгораживающие крыльцо, и, сунув руки в карманы белого халата выжидательно замер. Заметив, как из машины мы вытаскиваем Кольку, посуровел лицом, и, не задавая лишних вопросов, велел следовать за ним. Мы усадили страдальца на старенькую кушетку, оббитую малиновым дерматином, вышарканным по краям за долгие годы использования, и я, обращаясь к хозяину кабинета, который уже мыл руки под простеньким рукомойником, подвешенным над большим эмалированным тазом, проговорила извиняющимся тоном:

– Вот, Федор Иванович, не доглядела я. Парнишка себе топором по ноге съездил, надо бы зашить.

Корсаков вытер тщательно руки о чистое вафельное полотенце, висевшее рядом на гвоздике, поправил на носу очки, и потирая ладони друг о друга проговорил, подходя к кушетке:

– Ну-с... Что тут у вас, молодой человек?

«Молодой человек» побледнел, посмотрел на меня затравленным взглядом, словно ожидая спасения от надвигающейся крокодильей пасти, и пролепетал жалобно, заплетаясь языком:

– Мать, может ну его... Может само заживет? – И постарался сдвинуться в угол от надвигающегося на него, как сама неотвратимая судьба, фельдшера.

Я посмотрела на парня с недоумением.

– Коль, ты чего? Федор Иванович только посмотрит, ну рану там обрабатывает, шовчик наложит, и ты будешь опять, как новенький...

Но, мои слова Кольку не вдохновили, и он сделал попытку подняться.

– Сидеть!! Сидеть, я сказал!! – Грозно рыкнул Корсаков, совершенно неожиданно, с учетом его вполне безобидной внешности.

Теперь я понимала, почему к нему с такой опаской, перемежающейся с уважением, относятся местные жители. Даже я замерла столбом, чего уж про Кольку говорить! Он застыл, словно внезапно превратился в камень под взглядом Медузы Горгоны, и только широко открытыми глазами смотрел на приближающиеся к его ноге руки фельдшера. Федор Иванович внимательно осмотрел рану, надо сказать, весьма жуткую на вид, покачал головой, и пробурчал себе под нос.

– Надо зашивать. – Потом посмотрел на меня, и с тяжелым вздохом добавил. – Ты же знаешь, Катерина, у меня даже антибиотиков никаких нет, а из анестезии только спирт.

Я философски пожала плечами.

– Федор Иванович, а что делать-то? Ведь не в город его, в самом деле везти. Давайте спирт. Мужики его вчера на ночь водкой «обезбаливали». – Потом посмотрела на перепуганного насмерть Кольку, и мягко проговорила. – Николай, ты мужчина, а значит должен терпеть. Могу тебя заверить, что рожать намного больнее, только при родах спирта не дают,

так что приходится терпеть. А уж если женщины терпят, то тебе, мужику, и подавно положено.

Лицо у Кольки сделалось цвета июньских помидор, выращенных на Урале. Он отчаянно затряс головой и проблеял:

– Я рожать не хочу...

Федор Иванович коротко хохотнул, отмеряя ему в стакан медицинского спирта.

– Дак, тебе никто и не предлагает рожать. На вот, глотни, и закрой глаза, может тебе так легче будет.

Смотреть на то, что должно будет произойти в дальнейшем, у меня не было ни малейшего желания. Предупредив Корсакова, что заеду за болящим примерно через час, я направилась к выходу. Колька смотрел мне вслед жалобным взглядом, будто я была его последней надеждой на последующее выживание.

Василич сидел на подножке УАЗа и курил папироску. Завидев меня, вскочил.

– Ну, как там Колька?

Я пожала плечами.

– Иваныч сейчас зашивать будет. А нам терять время ни к чему. Я завезу тебя в пекарню, а сама в лесничество. На обратном пути заберем Кольку и на базу. Дел еще невпроворот.

Сан Саныча я застала в лесничестве. Он с кем-то громко ругался по рации, треск и шуршание которой превращали всю беседу в настоящую какофонию. Не знаю, как можно было разобрать хоть слово среди всех этих шумовых эффек-

тов! Я просунула голову в двери, и посмотрела вопросительно на лесничего. Он мне жестом показал, что я могу зайти и ткнул пальцем на стул. Я присела на краешек, настроившись на долгое ожидание. Разговор велся на повышенных тонах, и закончился быстро и весьма неожиданно.

– А ни пошли бы все вместе с управлением по... – И Саныч указал направление маршрута точное, но не совсем цензурное.

Кинув рацию на стол, он в сердцах отключил ее. Шипение прекратилось и в кабинете наступила относительная тишина. Саныч еще побушевал минут пять, адресуя все свои эмоции, надо сказать, весьма красочные и колоритные, но малолитературные, к молчавшей, и ни в чем не повинной рации. Наконец, выдохшись от беспрестанной беготни по кабинету и нецензурной брани, он сел за стол, вытирая затылок своим носовым платком все с теми же веселенькими цветочками, что я видела в прошлый раз. Потом глянул хмуро на меня.

– С чем пожаловала?

Я приняла сиротский вид, и голосом Красной Шапочки пропищала:

– Саныч, ты мне лошадку на пару-тройку дней не выделишь?

Лесничий с любопытством посмотрел на меня. Сердитое выражение, только что омрачавшее его черты лица, сменилось подозрительным любопытством.

– А на кой тебе лошадь? Или что, машина сломалась?

Я, стараясь, чтобы мои глаза выражали только честность и стремление говорить правду, одну только правду, и ничего кроме правды, завела волынку:

– Да, нет... С УАЗиком все в порядке, тфу, тфу, тфу, чтоб не сглазить! Ну ты же знаешь, хочу посмотреть следующие лесосеки, а на машине не везде проедешь. Да и на лошадке будет быстрее, если не по дороге, а напрямки. А что на несколько дней прошу, так, опасаясь, что за день не управлюсь.

Подозрение из глаз Саныча исчезло, оставив после себя одно лишь понимание и участие.

– Да, согласен. На лошадке по тайге иногда сподручнее бывает. Я сейчас Степанычу на конюшню записку напишу. Только, имей в виду, лошадки у нас все уже старые, так что ты особо то не гарцуй там. Сама понимаешь, не коневодческая ферма у нас. Всех лошадей к нам прислали, которых на живодерню жалко сдавать было.

Я усмехнулась.

– Я же не на джигитовку собралась и не на скачки, так что, мне любая подойдет.

Саныч меж тем что-то накарябал на листке бумаги и протянул бумажку мне, со словами:

– Отдашь Степанычу.

Я взяла листок, и уже собралась уходить, когда вспомнила о ночном происшествии. Точнее, я о нем и не забывала. Просто, вспомнила, что хотело кое-что выяснить у лесничего.

– Саныч, а ты не в курсе, поблизости от меня никаких заимок или хуторов нет, случайно?

Он посмотрел внимательно на меня, но мой взгляд лучился честностью и детской наивностью. Он почесал нос и задумался.

– Да, вроде там скит недалеко стоял.

Я вытаращила глаза.

– Какой-такой скит? Староверы, что ли?

Саныч поморщился.

– Да, кто ж их знает. Там дед один жил, думаю, и сейчас еще живет. Наши бабки его колдуном кличут. Так что, думаю, не, не староверы. Бабы у нас многие из деревни к нему ходят иногда. Он вроде как знахарь какой-то. Короче, травами пользуется. Говорят, помогает. С лекарствами у нас, сама знаешь как дела обстоят. У Федора Иваныча только бинт да вата остались, и то еще с Советских времен запасы. Только он уже старый совсем, дед тот. – Он внезапно задумался. – А знаешь, какая штука интересная, ведь он был уже старым, когда я еще пацаненком бегал. Мамка говорила тогда, что он старше моего дедуни будет. А дедуню уж как тридцать годков тому схоронили, а этот старик все еще по-прежнему «старый». – Потом, словно очнувшись, спросил заинтересованно. – А тебе зачем?

Мне тут даже и врать не пришлось.

– Да, понимаешь, у меня сучкоруб топором ногу зацепил. Федор Иванович зашивает сейчас. Только, я опасаюсь, как

бы заражения какого не вышло. Вот и подумала, что если травник хороший, то поможет парня на ноги поставить.

В глазах у Саныча опять мелькнуло подозрение.

– Да, ты, Катерина Юрьевна, я слыхал, и сама травница хорошая. Зачем тогда тебе дед неизвестно какой?

Я отмахнулась от него рукой, делая вид, что не замечаю его подозрительности.

– Да, я что... Я же просто так. А если старик всю жизнь в тайге прожил, то, ты ж понимаешь, его и мои знания – несопоставимы!

Довод Санычу показался вполне разумным. А я обратилась к нему, доставая из планшетки, висящей на моем боку, карту.

– Ты бы показал, где тот скит стоит. Вдруг пригодится. Так, на всякий случай.

Саныч сосредоточено наклонился над картой, потом взяв карандаш, поставил жирный крестик в одном месте.

– Вот тут этот скит. – Для большей убедительности, он еще и пальцем ткнул в крестик на карте. – Видишь, тут ручей Долгий вливается в Черемуху. Вот, аккурат на месте этого слияния скит и стоит. Говорят, в этом ручье вода лечебная, потому там и скит поставили еще в стародавние времена. Но, сам не проверял, врать не буду. Тут от этого места и Медвежий Яр недалеко. – Он провел пальцем по карте, показывая, где находится этот самый Медвежий Яр.

А потом, вдруг внезапно замолчал, и опять, с подозри-

тельным прищуром, глянул на меня.

– А уж не собралась ли ты, матушка, случаем в Медвежий Яр после моих рассказов? Сразу хочу тебе сказать: брось эту дурацкую затею. Как говорят старики, не буди лихо пока оно тихо.

Я отчаянно затрясла головой.

– Да, Бог с тобой, Саныч! До Медвежьих-ли Яров мне сейчас?! Работы непочатый край, разгрести не успеваю! Тебе ли не знать!? Вон, пять бригад, за всеми догляд нужен. Чуть повод отпустишь, все, каюк. Сам ведь знаешь наш контингент... Только строгая узда удержать поможет. А тут еще Колька со своей ногой... В общем, некогда мне всякими глупостями заниматься! – Закончила я решительным голосом так, что сама себе даже поверила.

Саныч моей красочной речью тоже остался доволен. Поверил или нет, точно сказать не могу, но подозрительный его прищур сменил вполне доброжелательный взгляд.

Глава 5

После лесничества я направилась на пекарню. Забрала Василича вместе с несколькими мешками муки, и поехала на конюшню, которая стояла на самом краю деревни под сенью громадных сосен. Конюшня была старая, построенная из огромных, в обхват дюжего мужика, сосновых бревен. Судя по внешнему виду, можно было представить, что строили ее еще при царе-Горохе мастера своего дела. Простояв не меньше полуторы сотен лет, здание до сих пор сохранило прочность и надежность. Вымытые дождями и высушенные солнцем бревна посерели и кое-где пошли трещинами, а в щелях поселился вездесущий мох. Василич, оглядывая добротные стены конюшни, с удовлетворенно крякнул.

– Умели раньше люди строить, не то, что нынче. – Он с удовольствием похлопал по сухому дереву, отозвавшемуся звенящим звуком.

Я вошла в распахнутые двери конюшни, стараясь побыстрее привыкнуть к полумраку, царившему там. Запах сена, конского пота, слабое пофыркивание лошадей. Конюшня была просторной. Когда-то в ней содержалось до двадцати коней. Сейчас она выглядела какой-то покинутой. Только две лошадки стояли в своих стойлах, и лениво жевали овес из кормушек. На большой куче сена, лежавшей в конце длинного коридора у самой стены, на расстеленной фуфай-

ке, дремал мужичок. Я подошла ближе и невольно поморщилась. Сильный сивушный аромат не добавлял шарма этому месту. Похоже, Степаныч успел уже с утра пораньше изрядно приложиться к бутылке. Отбросив всякую деликатность, я гаркнула во всю силу своих легких:

– Степаныч!! Подъем!! Труба зовет!!

Мужичок заполошно соскочил со своего уютного ложа и испуганно захлопал на меня глазами, силясь разглядеть, кого это черт занес в его вотчину так не вовремя. Был он небольшого росточка, с лохматой, всклоченной после сна, рыжей с проседью шевелюрой, больше похожей на стог сена, на котором он только что так сладко спал. Возраст я его определить не бралась. Думаю, ему должно было перевалить далеко за пятьдесят, но точно этого утверждать я бы не стала. Глаза-бусинки на широком лице явно должны были достаться не человеку, а какой-нибудь мелкой зверушке из семейства грызунов. Все его лицо, тоже напоминало перепуганную мышь. Подвижный и какой-то мелкий, для его физиономии, нос постоянно был в движении, как будто, он что-то все время вынюхивал. Наконец, он слегка пришел в себя, и разглядел, кто к нему пожаловал.

– А-а-а... Катерина... И чего орем, лошадей пугаем? Лошадь – скотинка нервная, на ее орать никак не можно. – И он принялся отряхивать свой выдавший виды пиджачок, стараясь очистить его от прилипших травинок.

Сено отставать не хотело, и в итоге, он махнул на это ру-

кой. Нашел на полу свою упавшую кепку, и крепко выбив ее о колено, натянул на голову, и, пряча покрасневшие то ли со сна, то ли с перепоя, глазки начал смущенно оправдываться.

– Я это... Вчерась соседу Кузьмичу колодец помогал копать. Так вот, с устатку выпили, как положено, чтоб, значит, вода в колодце не перевелась, да студеной была. А сегодня, прямо мочи нет, как голова раскалывалась. Так я маленько подлечился... – Потом, с любопытством посмотрел на меня, и спросил. – С чем пожаловала? Надо чего?

Я молча протянула ему записку от лесничего. Он аккуратно с трепетным почтением развернул листок, и стал внимательно вглядываться в написанные строки. Процедура затягивалась, а я стояла рядом, стараясь сдержать себя, чтобы не отвесить ему подзатыльник. В конце концов, не выдержав, я задала ему вопрос.

– Степаныч, ты чего там увидеть -то хочешь? Там всего одно предложение из четырех слов.

Конюх оторвал свой пытливый взгляд от писульки, и, с конфузливой улыбкой проговорил:

– Так я это... без очков-то не вижу.

Я с шумом выдохнула, даже не пытаюсь скрывать своей досады.

– Ну, так чего тогда ты ее разглядываешь? Давай я тебе прочитаю!

Степаныч замотал головой.

– Не-е-е... А вдруг там что важное, а ты чего не так за-

чтешь? Нать очки гдей-то взять.

И он стал хлопать себя по карманам. А я взъерилась.

– Ты что, старый пенек, решил меня тут извести совсем?! Мне, по-твоему, что ли делать нечего, как полдня искать твои очки?! – Я грозно сдвинула брови, глядя на съежившегося Степаныча сверху вниз. – Или хочешь, чтобы Саныч узнал, как ты тут с утра пораньше «уработался»? Там написано, что я на три дня забираю одну из лошадей, и чтоб ты мне всю упряжь для нее выдал с запасом овса на эти три дня. Так что, кончай валять мне тут дурака, говори, какую лошадь я могу взять!

Степаныч опасливо отошел от меня н несколько шагов и обиженно захлопал глазами, до невозможности напоминая известную всем мышь, которая дуется на крупу. Тут позади меня раздался голос. Это Василичу надоело ждать в машине, и он решил посмотреть, что так меня могло надолго задерживать внутри конюшни.

– Мать...!! Чего возимся? Или кобыла строптивая попала, а ты с ней управится не можешь? – Он подошел ко мне поближе и только тогда заметил конюха. – О, Степаныч, здорово! Ты чего волюну тянешь? У нас дел под завязку!! Мне еще обед готовить! Чего тут у тебя?

Степаныч робко протянул ему записку от лесничего.

– Да вот, от начальства письмо пришло... – Я не выдержала этого его «пришло письмо от начальства» и весело фыркнула. А конюх, стараясь обойти меня бочком на значитель-

ном расстоянии, подошел к моему завхозу и протянул тому листок. – Тута начальство пишет мне, а я очки не могу найти. Глянь, чего тут?

Василич в недоумении покосился на меня, а я в ответ кивнула ему головой, мол, посмотри. Завхоз сразу посерьезнел лицом, и с деловым видом взял бумажку в руки. Сосредоточенно сдвинув брови, с выражением, медленно, словно, он читал не записку, а поэму в трех частях, прочел вслух:

– Степаныч, выдели Рысиной Екатерине Юрьевне лошадь сроком на три дня, со всей положенной упряжью и запасом овса на этот же срок. И подпись: А.А. Верхушин. – И протянул записку обратно конюху.

Тот бережно разгладил помятые края бумаги, словно это было не распоряжение лесничего, а письмо от верховного главнокомандующего, в котором говорилось, что его, Степаныча, представляют к награде за выдающиеся заслуги перед Родиной, и тщательно спрятал записку во внутренний карман старенького пиджачка. И серьезным, бурчливым тоном проговорил:

– Ну, вот так бы сразу и сказала... А то, ишь, разоралась тута! – Расправил плечи, и, вышагивая словно Наполеон перед своей армией накануне сражения, оглядел свой «табун» лошадей. – Вона, гляди!! Какая тебе приглянется. Вот это. – Он ткнул пальцем в понурую каурую кобылку с черной челкой и большими грустными глазами. – Это Люська. Она хоча и в годах, но, ничего еще, крепкая кобылка. А вон тама –

это Воронок. – Указал подбородком на другое стойло. – Когда-то хороший был конь, а теперь совсем старый. Мы на ем сено ворошим, большего он не потянет. – Потом оглянулся на меня и спросил. – Так кого седлать то?

Я вздохнула. Да уж... Саныч был прав, на скачки с такими лошадьми вряд ли выйдешь. Того и гляди, от старости падут прямо под седоком. Выбор был невелик, и я ткнула пальцем в Люську.

– Давай кобылку. Девочки с девочками лучше договорятся.

Степаныч, невзирая на свое «болезненное» состояние быстро прошмыгнул мимо нас, и скрылся в одном из стойл, и там чем-то загремел. Я подошла к Люське, нашарила в кармане кусочек сухарика и протянула ей на ладони. Лошадь осторожно обнюхала угощение и аккуратно взяла его мягкими губами, закивав головой, словно в благодарном жесте. Погладив лошадку по морде, я обратилась к Василичу.

– Тебе как до базы добираться лучше, за рулем или на лошади? – Завхоз посмотрел испуганно на Люську и чуть заикаясь проговорил:

– Мать, я того... Лучше на УАЗике... Я на лошадях как-то не очень ездить мастак.

Я согласно кивнула головой.

– Хорошо, на машине, так на машине. Тогда, забирай Кольку от Федора Ивановича, и на базу. А я на лошади потихонечку выеду, а вы меня по дороге догоните.

Василич, обрадованный тем, что не придется изображать ковбоя, рванул на выход. И вскоре, я услышала, как заурчал сытой кошкой двигатель машины.

Я ехала на лошадке вдоль дороги, а мои мысли были далеки от производственных проблем. Лошадка смирная, покладистая, весело трусила по обочине, кое-где наклоняясь и хватая на ходу пучки зеленой травы. Я ее не торопила. Ехала себе и размышляла вслух.

– Вот, как ты думаешь, Люська, кто это такой был сегодня ночью на поляне? По словам Саныча, дед, который живет в скиту уже старый-престарый. А этот мне таким не показался. Хотя, конечно, сколько я его видела-то? Пару секунд, не больше, да, еще в темноте. Но, судя по высоте сломанной ветки, роста он не малого, да и уж больно шустро исчез, что для старика проблематично. Ты как считаешь? Лошадь, по понятным причинам, мне не ответила, продолжая неспешно трусить вдоль дороги. А я продолжила рассуждать вслух. Оказывается, разговор сам с собой вслух помогает правильнее понимать ситуацию! – Вот, завтра мы с тобой отправимся искать этот скит. Нет, ты не подумай, не любопытства ради. Нужно же узнать, кто тут по округе шастает. Сама знаешь, здесь кругом полно зон. А если, не дай Бог, кто сбежал. А у меня люди, и я отвечаю за их безопасность и жизнь. Поверь мне, Люська, это не всегда просто. А потом, Саныч сказал, что там Медвежий Яр рядом. Знаешь, так хочется хоть одним глазком глянуть, что это там за менгиры такие

стоят, хоть издали. Ты меня понимаешь? – Люська в ответ мне фыркнула и затрясла головой. Похоже, наши мнения в последнем вопросе не совпадали.

Я уже подъезжала к базе, когда сзади послышался рев двигателя. Матьер Божья!! Он что, педаль газа до пола вдавил и не отпускает, или едет на первой передаче? Я остановила лошадь, съехав с дороги подальше на обочину, и обернувшись, не слезая с седла, стала ждать. Вскоре, из-за поворота показался синий бок моей несчастной машинки. УАЗик хрипел, рычал, из выхлопной трубы извергая черный дым. Дело плохо. Лошадь, конечно, это здорово, но остаться без машины в тайге, с кучей народа, без возможности добраться хоть изредка до цивилизации, это было не просто плохо, это было просто катастрофично!!

Я поспешно спешила и вышла на середину дороги, поджидая, когда Василич подъедет. Он выполз из-за поворота, и при виде меня, резко нажал на педаль тормоза. УАЗик встал, как вкопанный, словно конь, осаженный на всем скаку. Подозреваю, что от такого резкого торможения, те, кто сидели в машине, получили незначительные травмы. Василич выполз из-за руля, и кинулся ко мне, на ходу причитая:

– Слава тебе, Господи, мы добрались до тебя. Не понимаю, как ты на такой машине умудряешься ездить, да еще так быстро?! Я не мог переключить скорости. Кое-как воткнул вторую, а дальше – никак! А я хотел тебя догнать, изо всех сил на газ давил, и только сейчас смог!

Я даже не знала, злиться мне или смеяться. Стараясь держать себя в руках, я ласково спросила.

– Василич, а ты на каких машинах раньше ездил?

Он вытаращил на меня глаза.

– Ну, сначала у меня был «Запорожец», а потом «Жигуль» купил, шестую модель. – Закончил он с гордостью.

Я тяжело вздохнула. Ну, и как на него сердиться? Сама виновата. Нет бы сразу поинтересоваться. Но, я продолжила терпеливо с ним беседовать, правда, сама не знаю, для чего.

– А ты в курсе, что это 469 УАЗик, военного образца, и скорости у него переключаются только после двойного выжима сцепления? У него нет в коробке передач синхронизатора. Это тебе не жигули.

Василич растерянно хлопал на меня глазами. Я только тяжело вздохнула. Да... Конечно, талантами Василич не обделен, но они явно не лежали у него в области автомобилестроения, и автомобилевождения. В итоге, мне пришлось садиться за руль моей многострадальной машинки, где на заднем сидении, сжавшись в комок после пережитого «ужаса операции», сидел несчастный Колька. А Василичу пришлось идти до базы пешком, ведя в поводу покорную Люську.

Глава 6

Ночью я проснулась от тихого стука в окошко. Вскочила моментально, сдергивая с себя сон, словно скомканную простынь. На улице под дверью стоял Андрей с озабоченным лицом. Задавать ему глупых вопросов на тему «что случилось», я не стала. И так было понятно, что «случилось», иначе он бы не будил меня в такой неурочный час. Он выкинул недокуренную сигарету, когда услышал скрип открываемой двери, предварительно тщательно потушив ее о подошву кирзового сапога, и виноватым голосом проговорил:

– Мать, Кольке хуже стало. Рана опухла, вся красная, а у него, похоже, жар. Надо что-то срочно делать.

Я потерла лицо руками, отгоняя остатки сна, стараясь прийти побыстрее в норму. Потом, обратилась к Андрею:

– Так... Подними сейчас Василича, и вдвоем ко мне.

Андрей умница, тоже не стал задавать мне никаких дурацких вопросов. За столько лет работы вместе, он уже четко уяснил, что здесь, в тайге, нет ни демократии, ни плюрализма. И мои распоряжения нужно выполнять беспрекословно. Молча кивнул головой, развернулся и бегом побежал к столовой, где квартировал Василич. А я, взяла фонарь, и по приставной лестнице полезла на маленький чердак, где у меня хранились разные запасы сухих трав. Конечно, травы были прошлогодние, в этом году я запасы еще не попол-

няла, все было как-то недосуг, но, все же это было лучше, чем совсем ничего. А ночью искать с фонариком травы по лесу, было занятием глупым и бесполезным. Травы ночью не собирают, если хотят, чтобы они силу имели. Исключение, разве, составляет цветок папоротника, которого в реальной жизни не существует. Папоротник вообще не цветет, это я знала абсолютно точно.

Пошуршав на чердаке своими запасами, я извлекла траву лесной клубники и ягоды шиповника. С этим богатством и спустилась вниз. К этому времени, Василич, одетый в подштанники и фуфайку на голое тело, вместе с Андреем, стояли у дверей избушки. Василич зябко ежился от наползающей с реки прохлады, и переминался от волнения с ноги на ногу. Я обратилась к мастеру.

– Андрюш, надери ивовой коры. Нож есть?

Он кивнул головой, задав только один вопрос:

– Сколько?

Я на секунду задумалась.

– Хорошую горсть... – И показала в своей руке сколько по моим представлениям это должно быть.

Андрей тут же растворился в прибрежных кустах ивняка, только фонарик его мелькал, словно перепуганный гигантский светляк. Потом посмотрела на Василича.

– А ты, давай, печку раскочегарь. Испеки на плите две больших луковицы, и поставь в котелке воду для отвара. Понял?

Василич закивал головой, и понесся рысью к навесу, где у нас стояла летом печь, причитая горестно на ходу:

– Ой, беда, беда... Да, как же это... Что же теперь...

На его ворчания и стенания я уже давно перестала обращать внимание. Главное, я знала, что он исполнит в точности все, как я сказала. Уже минут через двадцать печь топилась, и на ней, разрезанный на половинки, пекся лук, рассержено шипя на горячую плиту, а в небольшой кастрюльке начинала закипать вода с ивовой корой. Я колдовала над отваром, а мужики в благоговении замерли по обе стороны от меня на почтительном расстоянии. Не оборачиваясь, проговорила:

– Перетащите Кольку вместе с матрасом в мой домик на полку. А то он сейчас там мужиков перебудит, а им утром рано на работу.

Василич попробовал мяукнуть:

– Мать, а ты как же...?

Я на несколько секунд оторвалась от кастрюльки, и по возможности мягко, ответила:

– Василич, не страдай. Я разберусь. Все, давайте живенько. Только смотрите, осторожно. – И опять уткнулась в кастрюльку, добавляя по мере закипания сухие травы. Сначала шиповник, а последними листья клубники.

Через пять минут я сняла кастрюльку с печи, и поставила остужаться на, подставленные рядом специально для этого, камни. К этому времени, Кольку уже перетащили в мой домик вместе с постельными принадлежностями. И я при-

нялась хлопотать над ним. Рана действительно воспалилась, покраснела и была горячей. Колька с несчастным видом стоял, лежа на полке. Голова была горячей, губы потрескались, глаза горели лихорадочным огнем. Я напоила его отваром, затем привязала к ране остывшую печеную луковицу, а на лоб сделала холодный компресс из кусочков льда, который добыл из ледника расторопный Василич. Все, больше я пока ничем ему не могла помочь.

Где-то, минут через тридцать, температура начала спадать. Лицо его покрылось испариной, и он потихоньку забылся сном. У меня слегка отлегло от сердца. Но, проблему надо было решать кардинально. До города его везти в таком состоянии было проблематично. Я вышла на улицу и присела на крыльцо, пытаюсь сообразить, что лучше предпринять в подобной ситуации. Звезды над головой сияли ярко и безмятежно, совершенно равнодушные к моей проблеме, как, впрочем, и ко всем остальным людским проблемам на земле.

Из темноты, словно ночной призрак, материализовался Андрей. Сел рядом со мной на крыльцо и молча протянул открытую пачку сигарет. Я отрицательно помотала головой. Он достал сигарету и прикурил, глубоко затянулся, и задал вопрос:

– Ну, как он там?

Я с тяжелым вздохом ответила:

– Температура, вроде бы, спала. Уснул...

Андрей посмотрел на меня и извиняющимся тоном про-

говорил:

– Мать, я, конечно, не лекарь, но, может его в больницу?

Я опять тяжело вздохнула в который раз и, с прорывающимся в голосе отчаяньем, ответила:

– Да, конечно, лучше! Только в какую больницу, Андрюш? В город? Так туда ехать шесть часов, если не больше. Он не выдержит такой дороги! Мы его от деревни везли, он вздрагивал на каждой кочке. А тут ехать всего ничего. – Я задумалась на мгновение, потом, приняв решение проговорила. – Значит так... Я сейчас уеду, а ты тут присмотри за всем. Мужики знают, что и кому делать надо. Объем работ есть у каждой бригады. А ты сегодня с ними на деляну не езжай, Колю покарауль. Василич тебе поможет, если что. Как проснется, отваром еще его напои, и пускай Василич ему чего-нибудь легкого приготовит, типа бульона. Ему сейчас силы нужны.

Я поднялась с крыльца, а Андрей с тревогой спросил:

– А ты куда?

Я усмехнулась.

– А я, Андрюш, к знахарю поехала. Есть тут один в наших краях, говорят. Может он чем поможет.

Зашла в домик, быстро переоделась, сняла со стены карбин. Подошла к Коле, он спал, разметавшись по влажной простыне, и постанывал во сне. Осторожно потрогала голову у больного. Температуры, вроде бы не было. Удовлетворенно кивнула своим мыслям, и пошла седлать Люську. Андрей

остался на крыльце, и я спиной чувствовала его недоуменный, и слегка тревожный взгляд, которым он смотрел мне вслед.

Я направила Люську на лесовозную дорогу, уже хорошо накатанную и, идущую прямо от нашей поляны вглубь леса. Рассвет еще только занимался. Полоска неба над самым горизонтом на востоке серела. Но, ночь еще пока не утратила своей власти над миром, и под пологом леса царил непроглядный мрак. От реки тянуло прохладой, от которой я зябко ежилась. Конечно, можно было поехать и напрямки, через лес, но, во-первых, я еще не знала возможностей кобылки. А вдруг она от гнета прожитых лет частично утратила свое зрение, и не сможет ехать в темноте? А наткаться в лесу на стволы деревьев через каждую минуту у меня не было особого желания. А во-вторых, дорогу к скиту я еще как следует не знала, ориентировалась только по карте, на которой твердой рукой Сан Саныча был поставлен жирный крестик. А еще, была большая доля вероятности напороться на болото, которое было отмечено на карте, а искать тропы обхода в темноте тоже было удовольствие ниже среднего.

Люська подергивала шкурой и сторожко поводила ушами, прислушиваясь к ночным шорохам. Видно, на ней давно уже никто не ездил по лесу, и кобылка отвыкла от его запахов и звуков. Но, вскоре, она успокоилась и пошла веселее. Света звезд хватало, чтобы разглядеть сероватую ленту дороги впереди, разбитую тяжелыми колесными тракторами и лесо-

возами. Доехав до квартального столба, я повернула по просеке направо. Здесь колеи от тракторов и машин не было, только заросшая травой земля, да не выкорчеванные пеньки. Но, Люська с задачей справилась блестяще, бодро переступая ногами, аккуратно обходя все препятствия на своем пути.

Мы ехали по просеке, словно между крепостных стен, когда наступил тот великий момент всеобщей тишины, который приходит только перед самым рассветом, пока не появится первый солнечный луч. Я всегда любила эти мгновения, которые, увы, длятся недолго, всего несколько каких-то минут. Я остановила лошадь и прислушалась. Вот он, момент чуда, который подарил нам творец, чтобы мы смогли осознать и прочувствовать все величие Его творения!!! Я отпустила поводья лошади, и раскинула руки в стороны, словно пытаясь вобрать в себя, впитать потрясающую энергетику этого мига. Люська-умница, стояла подо мной, как вкопанная, словно понимая всю важность происходящего. И вот, тишину замолкшего, притаившегося леса взорвал торжественный птичий хор, и первый луч прочертил небо, извещая все живое на земле о начале нового дня, как новой жизни.

Я ласково погладила кобылку по шее.

– Ты умница, ты все понимаешь, да? Ты тоже радуешься новому дню? – Люська в ответ громко фыркнула, словно соглашаясь.

По крайней мере, мне очень хотелось так думать. Я взяла поводья в руку, и поехала дальше. Лошадка стала идти чуть бодрее. То ли видеть стала лучше, а то ли, приспособилась к дороге между, заросшими высокой травой, пнями. Вскоре просека вывела нас на холм, с которого открывался вид на болото, на которое я так не хотела напороться в темноте. Ни деревца, ни какого-либо приличного кустарника на болоте не росло. Только высокие, поросшие болотной осокой кочки, кое-где торчащие низкорослые кустики багульника с бледно-розовыми цветочками, да, ближе к берегу ярко-фиолетовые пятна плакун-травы. Я мысленно отметила про себя, что на обратной дороге надо бы набрать этого растения. Не зря старые люди говорили, что плакун-трава – всем травам мать. Ничего более действенного для заживления ран я не знала. А еще считалось, что плакун-трава отгоняет нечистую силу. Но я опасалась, что начавшееся воспаление у Коли, это ее свойство остановить не поможет. Но, все же, заметочку себе в голове поставила. Если не найду старика, или он не сможет помочь, тогда буду использовать собственные знания.

Болото было не особо большое, и вскоре я его миновала. Остановила Люську и достала карту, сверяясь с маршрутом. Теперь можно было и срезать. Убрала карту обратно в планшетку, и тронула лошадь поводьями. Вскоре, болото осталось позади, местность пошла на подъем, почва стала тверже, и все чаще стали появляться небольшие россыпи сероватого гранитного крошева. Люська пошла веселее, словно ей

не терпелось поскорее уйти от болота с его кровососущими насекомыми, которые доставали лошадь ничуть не меньше, чем меня.

За этой горкой, судя по карте, начиналась низина, где впадал в речку Черемуху ручей Долгий, конечный пункт моего путешествия. Я очень надеялась, что старик еще жив, и что он мне поможет. Когда я говорила Санычу, что мои знания по сравнению со знаниями старика, просто мелочь, я несколько не кривила душой. Разве могут мои жалкие познания сравниться со знаниями стариков, накопленными не за одно тысячелетие? Я не была ни настолько глупа, ни настолько самонадеянна, чтобы думать так.

Люська тем временем забралась на горку, и к моему большому изумлению, и к радости, даже не разу не замедлила ход и не всхрапнула. Я ее погладила между ушами.

– Да, ты, девочка, не настолько стара, как хочешь казаться! Ты еще ого-го... – Кобыла опять радостно зафыркала. А я продолжила с ней беседу, стараясь за разговором скрыть свое волнение. – С тобой просто никто не разговаривал давно, вот ты и загрустила. Надо попросить Саныча, чтобы он тебя ко мне прикомандировал на службу, со мной не соскучишься.

Люська опять замотала головой, словно понимая, что я говорю. И чувствовалось, что ей мои слова пришлись по душе.

С горки открывался потрясающий вид на округу. Зеленая долина, поросшая суровыми елями и свечками строй-

ных пихт, стремящихся в небо, будто космические корабли на старте. Кое-где строй этих исполинов разрывали небольшие поляны, покрытые легким росным туманом, словно серебряное шитье покрывало скатерть. Две ленты, ручей и река сходились в один поток, образуя на этом месте небольшой водопад, который играл и переливался радужными полосами под лучами восходящего солнца. Как и рассказывал Саныч, между ними стояла изба. К своей радости, я заметила тонкую струйку сизоватого дыма, выходявшего из трубы. Значит, живые есть. Я понукнула слегка кобылку, и та заспешила под горку.

Пока я спускалась вниз, мне в голову пришла мысль, что слово «изба» происходило от слова «избыть», то есть переждать, перетерпеть, избавиться от опасности. Когда на города наших предков напал враг, всех женщин, детей и стариков прятали в крепи лесов в деревянных домах, которые строились там не как постоянное жилье, а как временное убежище. И страну нашу тогда иноземцы называли страна Гардарика, то есть, страна Городов. Не знаю, с какого такого ляда мне подобные мысли сейчас лезли в голову. Не иначе, как от волнения, которое меня обуревало с приближением к скиту.

А вдруг, старик уже умер, и там живет кто-то другой, тот, которого я видела прошлой ночью? Нет, так дело не пойдет! Лучше уж думать об этимологии слова «изба», чем саму себя пугать непонятно чем. Но, времени ни на этимологию, ни

на испуг у меня уже не осталось. Я раздвинула ветки старой ели, и мы с Люськой оказались на краю поляны. Я остановила лошадь внимательно оглядываясь вокруг. Настороженное состояние не покидало меня с тех пор, как я увидела этот скит с вершины горки. Объяснить самой себе этого я не могла. Хотя, в тайге расслабляться и не приходится, но тревога, посетившая меня, была несколько иного рода. Словно, стоит мне выйти на эту поляну, и я перешагну какую-то судьбоносную черту, и возврата к прошлой жизни у меня уже не будет. Я колебалась не дольше минуты. Вспомнила Кольку, мечущегося в жару в моей домушке, и решительно направила лошадь прямо к избе.

Глава 7

Люська тоже как будто что-то чувствовала. Ступала очень осторожно, словно по тонкому льду и постоянно всхрипывала и трясла головой. Я ее успокаивающе гладила по шее, и тихонько повторяла:

– Спокойно, девочка, спокойно... Все хорошо.

Над поляной легкой кисеей стоял как будто влажный морок, качаясь в воздухе и искажая окружающее пространство. Что за черт!! Я протерла глаза. Дымка не исчезла, а начала колебаться быстрее. На ней, как на мыльном пузыре появились расплывчатые радужные полосы. Если бы я могла предположить, что этот морок живой, то я бы сказала, что он почувствовал вторжение чужого. Удушающая тишина будто размазывала все звуки. Журчание воды доносилось словно издалека. Я стиснула зубы и вцепилась в поводья лошади так, как будто от этого зависела моя жизнь. Пришла мысль, что, наверное, бессонные ночи не очень хорошо отражаются на моих восприятиях окружающего мира. Ладно, вот сейчас Кольку на ноги поставлю, а там и отдохнуть можно будет. А ехидный голос внутри меня с язвительным смешком заметил: «Ага... Одно закончится, а другое начнется... Так всегда и бывает...» Но, спор самой с собой пришлось прервать, потому что мы уже подъехали близко к самому дому.

Я спешила, привязав поводья за небольшое дерево бе-

резки, стоявшее недалеко от крыльца, и стала с любопытством осматриваться. Дом впечатлял своим внешним видом. Когда-то это был скит, и построен он был эдак лет, не знаю сколько, назад, если судить по тому, что я видела. Огромные лиственничные бревна, из которых была сложена изба, выбеленные солнцем и дождями, напоминали высеченные из камня. Оставалось только догадываться, какими сильными должны были быть руки, построившие это. Сооружения из лиственницы могли стоять больше тысячи лет. А тут, даже моей фантазии не хватило придумать, сколько стоял этот дом. Крыша, покрытая тесом, поросла мхом, среди которого нашли себе приют мелкие луговые травы. Если бы я обладала достаточной фантазией, то могла бы представить, что это дом принадлежал трем медведям из известной сказки. Такое все было фундаментальное, грубо вытесанное, я бы не побоялась слова, грандиозное, больше похожее на небольшую крепость. Узкие окна, словно бойницы, смотрели на меня темными стеклами, словно прикидывая, друг я или враг. И, если бы из них сейчас в меня вдруг полетели стрелы, то я, наверное, нисколько бы не удивилась этому.

Недалеко от дома, на самом берегу ручья был сделан небольшой бассейн. Причем, я затруднялась сказать, сделан он был руками человека или тут постаралась Матушка-Природа. Скорее всего, это был коллективный труд. Человеческие руки просто аккуратно очистили каменное ложе, и немного подправили то, что было создано естественным

путем.

Но, рассмотреть, как следует мне его не удалось, потому что тяжелая, сколоченная из плах, дверь скрипнула, и на крыльце появился старик. Сердце у меня почему-то забилось, как перепуганная птица, а во рту все пересохло от волнения, и ожидания чего-то неведомого, таинственного и немного страшного. Мне вспомнились сказки про Бабу-Ягу, и ее коронные реплики «дело пытаешь, добрый молодец, аль от дела лытаешь?» Я постаралась взять себя в руки. Во-первых, это был старик, а не Баба-Яга, а во-вторых, я не «добрый молодец».

Старик был как старик. Встреть я его где-нибудь в деревне, пожалуй, даже внимания бы не обратила. Обветренное до цвета сосновой коры лицо, перерезанное, как географическая карта реками, глубокими морщинами. Седая, аккуратная борода, делали его похожим на благообразного батюшку в высоком церковном сане. Только вот глаза, пристально наблюдавшие за мной из-под лохматых бровей, не давали отнести его к категории «безобидных» старичков. Они были ярко-синими, пронзительными и какими-то требовательными, будто он прожил всю жизнь не в скиту, а командовал кавалерийским полком. Да и вся его осанка выдавала в нем некую властность, и умение повелевать. Никаких тебе сгорбленных плеч, шаркающей походки и прочих признаков, сопровождающих старость. Думаю, он одной рукой, с одного маха, мог запросто расколоть сучковатую метровую чурку.

Меня это слегка озадачило, потому что, Саныч говорил, что он был уже старым, когда сам Саныч босым по деревне с мальчишками мяч гонял. А если бы с ним рядом поставить нашего Василича, то я бы затруднялась сказать, кто из двоих старше. Думаю, возрастное старшинство бы я отдала Василичу. Несколько минут старик внимательно разглядывал, сначала меня, а потом и Люську, цепким взглядом выхватывая и карабин, притороченный к седлу лошади, и охотничий нож за голенищем моих высоких ботинок, а потом тихо спросил, словно на дальних пределах пророкотала грозовая туча:

– Заблудилась или по делу?

У меня от его голоса мурашки побежали по спине. Вот же блин, точно, как та Баба-Яга из сказки. Можно было бы улыбнуться такому сравнению, но мне было как-то совсем не до улыбок. Хотелось, как перепуганному зайцу при приближающихся звуках грозы, запрятаться под какой-нибудь еловый выворот, и сидеть там, прижав уши, пока стихия не минует. Или, еще лучше, сесть на Люську и домой, домой, домой, чтобы никогда не возвращаться и не вспоминать. Но, дома ждал Колька с распухшей ногой, и я, постаравшись стряхнуть с себя этот налипающий панический страх, неведь откуда взявшийся, и, стараясь смотреть в глаза старику, проговорила:

– По делу. Парнишка у меня топором по ноге съездил. Кость целая, фельдшер в деревне зашил рану, а сегодня ночью

воспалилось все. И жар у него. Мне в деревне сказали, что ты людям помогаешь, лечишь. Может и мне поможешь?

Почему-то, обращение к нему на «ты» казалось таким естественным, если не сказать, привычным. Глаз я старалась от старика не отводить, хотя, усилий это стоило немалых. Его глаза были, как два бездонных омута, затягивающих в свою глубину. От этих усилий у меня пот выступил на висках, словно я не разговоры вела, а тяжелую баржу с лесом за собой тащила. А старик отвел от меня взгляд, как отпустил, слегка усмехнулся, словно каким-то своим мыслям, и проговорил:

– Ну, проходи, коли пришла...

А я с заметным облегчением, наконец, смогла выдохнуть. Он развернулся и вошел в дом, оставив двери за собой открытыми. Я последовала за ним, с интересом оглядываясь. В сенях царил полумрак, и я, не задерживаясь переступила высокий порог, чуть пригнув голову, чтобы не удариться о прилоку, и очутилась в довольно просторной горнице. Большая русская печь, словно барыня, стояла посередине комнаты, разделяя ее на две части. Я быстро огляделась. Внутри дом производил то же ощущение, что и снаружи. Добротная крепость, которая могла бы выдержать многодневную осаду супостатов, если бы таковые имелись. На второй половине, отделенной от горницы печью, разглядела небольшой рукомоийник, выкрашенный в серебристый цвет, кухонную утварь на полках, и многочисленные ряды натянутых под самым по-

толком бечевки с сухими травами. Пол из широких некрашенных плах, грубо сколоченная мебель, состоявшая из большого стола и двух лавок. Из горницы вел дверной проем в спальню, на полу которой я заметила большую волчью шкуру. Напротив печи на стене висела довольно длинная полка, на которой стояло множество книг с потрепанными корешками, что говорило о частом их использовании. На некоторых из них я смогла разобрать старославянскую вязь. На других, с удивлением обнаружила знакомые имена. Лев Николаевич Толстой «Война и мир», Федор Михайлович Достоевский «Идиот», рассказы Антона Павловича Чехова, томик стихов Сергея Есенина. По-видимому, мне не удалось скрыть своего изумления, когда я прочитала корешки книг, потому что старик, с легкой усмешкой заметил:

– А ты думала, мы тут в лесу все темные, колесу молимся? – Я замотала отрицательно головой, досадуя про себя, что не смогла скрыть своих эмоций. А старик продолжил. – Это великие писатели. Всё в загадочной душе человеческой пытались разбраться, но так и не сумели. А все потому, что не рассматривали человека, как единое целое с природой, благодаря которой все и существует. У них вишь, природа была отдельно, а человек отдельно. Вроде бы как Бог природу создал только для одного, чтобы человек из нее черпал, ничего взамен не возвращая, только лишь для людского удовольствия. А это неверно. Как только люди забыли, что они часть этого мира, причем, часть-то не очень значительная,

так и началось все к закату людского племени двигаться. — Он уселся на лавку, и сделал жест рукой, предлагая мне сделать тоже самое. Я осторожно примостилась на самом краюшке лавки, и стала ждать, что он еще скажет. Старик-то был непростой, ох непростой. А он, вздохнув тяжело, словно скорбя о судьбах всего человечества, проговорил. — Ну, рассказывай, что там у тебя стряслось.

Я, не придумав ничего нового, повторила то, что уже сказала ему на улице. Он помолчал в задумчивости, а потом проговорил:

— Конечно, лучше бы мне самому на парня твоего взглянуть. Но, это, думаю, успеется. А почто ко мне -то пожаловала, а не в город повезла?

Я слегка пожала плечами.

— Далеко до города, боюсь, как бы хуже не сделать. Жаря ему сняла, на рану луковицу печеную привязала. А дальше не знаю как ему воспаление снять. Парень молодой, организм сильный, должен бы сам справиться, только, опасюсь, как бы в ране заражение не началось. Мои-то орлы, вместо того чтобы рану водкой обработать, решили, что лучше внутрь залить. Ну, а в фельдшерском пункте, конечно, обработали, только, опасуюсь, не поздно ли? А с лекарствами там туго, наверное, сам знаешь.

Я замолчала, ожидая от старика ответной реакции. Он, кряхтя и вздыхая поднялся с лавки, и отправился в закуток за печкой, где у него сушились травы. При этом, на мой

взгляд, слегка переигрывал, стараясь показаться более старым и немощным, чем был на самом деле. Я помнила, КАК он встретил меня на крыльце. Князь- не князь, воевода- не воевода. Но очень близкое, как к одному, так и к другому. Я усмехнулась. Эх, дед, если ты решил поиграть, то чуть припоздал в своем стремлении мне мозги запудрить. Ох, и интересный же персонаж, ох, интересный, и не простой, как китайская шкатулка с секретом.

Старик погромел за печкой, пошуршал, что-то упало на пол, и раздался его ворчливый голос:

– Ах, чтоб тебя...!!!

Я воспользовалась моментом, и, вытянув шею, заглянула в спальню. Комната была довольно вместительная. В ней стояли две кровати, заправленные лоскутными одеялами, и старый шкаф. Насколько я могла судить, вся мебель делалась вручную из дерева, и выглядела спальня ну точно, как из сказки про трех медведей. Над одной кроватью на стене висел карабин, кстати, ничуть не хуже моего. А я должна была заметить, что для простого старика – знахаря, живущего отшельником в тайге, это было весьма дорогостоящее удовольствие.

– Ну что, разглядела...?

Голос прозвучал за моей спиной так неожиданно, что я чуть с лавки не свалилась, и схватилась за сердце, которое с перепугу вознамерилось обвалиться прямо в пятки. Когда он вышел из своей лесной «лаборатории» я не услышала, и

поэтому перепугалась от внезапного звука его голоса. А еще, мне было ужасно стыдно, словно меня застали за каким-то неблаговидным делом.

– Прости, пожалуйста. Но, я о тебе так много слышала, что любопытство пересилило. – Залепетала я, стараясь оправдаться, и опустила глаза, боясь поднять взгляд на старика, и злясь на себя при этом за несвоевременную и, совсем неуместную глупость.

Он усмехнулся в усы, стараясь быть похожим на доброго дедушку. Но, взгляд его синих пронзительных глаз, совсем не вписывался в этот мирный образ.

– Я тоже о тебе слыхал. Ладно, чего уж там. Гляди, коли есть охота. – И старик повел широко рукой, как бы приглашая меня осмотреть его дом.

Но, охота у меня уже прошла. Хотелось побыстрее забрать снадобья и покинуть это место, желательно, насовсем. А еще, меня раздирало любопытство, которое так и чесалось вопросами на языке. Хотелось у него спросить, что и от кого он обо мне слыхал. Хотя, если разобраться, какая мне разница? Покопавшись чуток в себе, поняла, что это бес тщеславия во мне говорит. С подобными «бесами» я научилась справляться очень легко. Удивляло другое. Откуда он, этот самый бес выскочил-то! Вроде уж не молоденькая девочка, которой необходимо одобрение посторонних, или их похвала. А вот, поди ж ты! И, вообще, я никак не могла разобраться в своих эмоциях. С одной стороны, дед у меня вызывал некое опа-

сение, а с другой стороны, мне казалось, что я знаю его всю свою жизнь. Скажем, случись попасть в неприятность, я смело подставила бы ему спину. Но, в то же время, хотелось держаться от него подальше. Вот же, блин, встряла опять! Ладно, со своими чувствами у меня еще будет время разобраться. Сейчас главное, Кольку на ноги поднять. И я, отбросив всякие глупости и рефлексии, посмотрела прямо ему в глаза, и серьезно сказала.

– Прости. Виновата.

Мне показалось, или в глазах у него мелькнуло тень изумления? Я слегка поерзала на лавке, стараясь чтобы желание, как можно быстрее покинуть этот дом, не очень явно читалось на моем лице, и посмотрела выжидательно на старика. Он тихонько покачал головой, словно отвечая своим мыслям, потом, поставил передо мной флакончик с темной жидкостью внутри, закупоренный пчелиным воском, и холстяной мешочек, затянутый и завязанный кусочком веревки.

– Вот это, – он ткнул пальцем в мешочек, – заваришь, как все травы завариваешь, и будешь поить его на ночь, но не больше, чем по пол стакана. А вот из этого, – он указал на бутылочку, – будешь делать ему компресс два раза в день: утром и вечером.

Я протянула руку, чтобы забрать приготовленные снадобья, и тут с опозданием поняла, что не спросила, как мне с ним рассчитаться за его доброту. Рука моя повисла в воздухе, я подняла на него взгляд, и, слегка смущаясь, спросила:

– Как я могу тебя отблагодарить?

Старик усмехнулся.

– Рано благодарить. Вот вылечишь своего парнишку тогда и поговорим о благодарности. Но, учти, денег я не беру. А теперь, ступай себе с Богом.

Я кивнула на его слова, взяла со стола бутылочку с мешочком, и собралась уйти. Но, в дверях притормозила, и, обернувшись, спросила:

– Как тебя зовут?

Старик глянул на меня с усмешкой и пробурчал:

– Зови меня Проном⁵...

Я кивнула головой, и собралась ему представиться.

– А меня зовут...

Он прервал меня:

– А как тебя зовут, я знаю. Вести в тайге распространяются быстрее огня. – Усмешка на его губах стала шире.

Я опять кивнула, словно так все и должно быть, и вышла из избы. Люська стояла у березки и беспокойно переступала ногами. Ее уши напоминали локаторы, и были в постоянном движении. То ли она отвыкла так сильно от тайги, и никак не могла привыкнуть к ее запахам и звукам. То ли, ее что-то очень волновало. Я подошла к ней, погладила по шее, стараясь успокоить. Лошадь скосила на меня глаз, и тяжело вздохнула. Я достала сухарик из кармана и протянула ей на ладони.

---

⁵ Прон – старославянское имя, образованное от имени бога Перуна

– Поешь, милая, поешь... Сейчас домой поедem. Там тебя овес ждет и чистая вода из родника. Да, и мужики нас уже, поди, заждались.

Лошадь благодарно зафыркала и принялась хрумкать угощением. Я, тем временем, прибрала драгоценные лекарства для Кольки в седельную сумку, отвязала повод и вскочила в седло. Старик вышел на крыльцо, и наблюдал за мной, сделав руку козырьком, чтобы заслонить глаза от солнечных лучей. Я развернула кобылку, громко еще раз поблагодарила хозяина, и направила лошадь в сторону тропинки, по которой мы сюда приехали. До опушки оставалось еще метров пятьдесят, когда Люська вдруг встала как вкопанная, потом затрясла головой и зафыркала.

– Да, что с тобой девочка?! Все в порядке... – Пыталась я уговорить лошадь.

И тут случилось одновременно сразу несколько вещей. Ветки кустов затрещали, и из леса, прямо на меня выскочил огромный бурый медведь. Кобыла, с диким ржанием, встала на дыбы, и унеслась галопом в лес, не разбирая дороги, ломая кусты и молодые деревца подлеска. Я, не удержавшись от неожиданности в седле, кубарем скатилась на землю, сильно приложившись к ней головой и боком. Высокая трава смягчила мое падение, но все равно, было очень больно, у меня аж искры из глаз посыпались. Правда, в тот момент мне было совсем не до какой-то там дурацкой боли. Я мгновенно вскочила на ноги, и привычным движением выхватила нож

из-за голенища ботинка. Для такой громадины, каким был косолапый, мой нож был, конечно, маловат, а если уж совсем честно, то просто, как игрушечный пистолетик против танка, но лучше все же что-то, чем совсем ничего. В голове мелькнула дурацкая мысль: «Вот тебе и сказка про трех медведей. Накаркала...»

Глава 8

Бежать было бесполезно. Это я понимала прекрасно. Не мне с косилапым соревноваться в беге. Да, и вообще, от дикого зверя лучше не бегать, толку не будет. Все это я знала, лучше кого-либо, не один год проработав в тайге. Но, в тот момент, мыслей у меня в голове не было никаких. Вся жизнь сузилась, скукожилась, уместившись на кончике лезвия ножа. Медведь повел себя довольно странно. Выскочив на поляну, он пробежал несколько метров по направлению ко мне, а потом остановился, как вкопанный, шумно нюхая воздух. Похоже, на убежавшую лошадь он не обратил никакого внимания, и это было странно. В голове быстро мелькнуло «может, обойдется...» Медведи ведь подслеповаты, но если не увидит, то уж учует обязательно. Нюх у медведей превосходный, как, впрочем, и у большинства диких животных.

Мишка постоял немного, раскачиваясь из стороны в сторону, словно маятник, и медленно пошел ко мне. И тут, позади меня раздался властный голос.

– Стой, не двигайся!!

А я и так, замерла сусликом, и двигаться, точно, никуда не собиралась. По крайней мере, в данную минуту, это уж точно.

Я скорее почувствовала, чем увидела, как из-за моей спины показался старик Прон. Твердым шагом он направился

прямо к медведю, который, вдруг, остановился при звуках его голоса. А мне захотелось зажмуриться от ужаса. Прон спокойно подошел к косолапому, и... ласково потрепал его по голове. Так добрый хозяин обращается со своим верным другом-псом.

– Асхат... Что это на тебя нашло? Поиграть захотел. Это наша гостья, она твоих игр не понимает...

Он ласково разговаривал с мишкой, а тот, словно домашняя кошка, ластился к его руке. Я медленно распрямилась, все еще не выпуская нож из сомкнутых пальцев, и с некоторым облегчением выдохнула. Почему-то все поджилки тряслись, покалывало кончики пальцев на ногах, а сердце бухало, словно кузнечный молот по наковальне. Я понимала, что это произошел выброс адреналина в кровь. Понимать-то, понимала, но ничего поделать не могла, ноги предательски тряслись, еле удерживая меня от позорного падения.

Я все еще не делала резких движений продолжая стоять на месте столбом. А Прон обернулся ко мне и серьезно проговорил:

– Стой спокойно, не шевелись. Дай Асхату тебя обнюхать. Тогда он тебя больше никогда не тронет... – А потом с усмешкой добавил. – Если примет за своего.

Я, подчиняясь старику, стояла неподвижно, словно древнегреческая статуя в затонувшем городе, стараясь отогнать страх. Звери страх чувствуют, и для них это, как сигнал к нападению. Не без труда, мне удалось справиться со своими эмо-

циями. А что еще мне оставалось делать? Визжать от страха? Вот уж глупость несусветная. Не знала ни одного случая, чтобы крик помог кому-нибудь в подобной ситуации! Скорее, наоборот. Поэтому, когда медведь подошел ко мне, я уже была почти спокойна. Косолапый обнюхал меня, походив кругами, а потом, к моему удивлению и изумлению старика, лизнул мою руку, в которой я все еще продолжала сжимать нож. Я неуверенно, левой рукой едва дотронулась до его головы. Пальцы слегка дрожали.

– Ну, что, Асхат, давай знакомиться... – Я порадовалась, что мой голос меня не подвел. Усилия, чтобы взять собственные эмоции под контроль не пропали даром.

Медведь смешно задергал носом и громко чихнул. А я неуверенно улыбнулась, так это выглядело забавно. Правда, улыбка скорее походила на неловкую гримасу, чем на выражение радости, но на большее я сейчас была просто не способна. Старик подошел ко мне и с удивлением оглядел меня еще раз, будто, увидел меня впервые. Потом, видимо, отвечая собственным мыслям, тихо проговорил:

– Как удивительно переплетаются узоры судьбы... И нам не ведомы ее замыслы... Поглядим, поглядим...

Мне его слова были не совсем понятны. Мой страх прошел, и теперь я думала только о двух вещах: как мне не свалиться в обморок от пережитого, и найти мою несчастную лошадь. От ужаса, она могла убежать очень далеко. Только я собралась попросить у старика помощи, как он, обернув-

шись к лесу лицом громко и строго проговорил:

– Один⁶, ты бы присматривал за своим братцем. А то, вон, гостью нашу напугал, да еще лошадка убежала. Лошадку тебе вернуть придется. – И словно оправдывая свою строгость, чуть ворчливо закончил. – Впредь будешь внимательнее и осторожнее.

И только тут я увидела на краю поляны, откуда появился медведь, стоял мужчина довольно высокого роста, что называется, косая сажень в плечах. Одет он был просто, как все деревенские. Простые и весьма потасканные брюки серого цвета были заправлены в кирзовые сапоги, клетчатая рубашка, а поверх нее жилет из кожи ручной выделки. На ремне висел внушительных размеров охотничий нож, не чета моему. Длинные до плеч волосы были белыми, как снег. То ли цвет у них был такой, то ли мужчина был седой. Передние пряди заплетены в две косички, что слегка не вписывалось в образ простого деревенского мужика. Он не выглядел старым, Впрочем, я его особенно и не разглядывала, не до того было. Только что-то знакомое мне показалось в его фигуре, но ломать над этим голову сейчас я тоже не стала. Оглянувшись на медведя, который перестал на нас обращать внимание и весьма ходко потрусил к дому. Тут я немного расслабилась, и это было ошибкой. Ноги перестали меня держать, и я опустилась прямо на землю, где стояла. Старик присел

---

⁶ Один – с древнеирландского означает бешеный, бушующий, устремленный. Также, это имя древнего скандинавского бога, предводителя Асов.

рядом со мной на корточках, и протянул фляжку, которая висела у него на поясе.

– На-ка, глотни... Тебе сейчас надо. – Голос был участливый с легкой насмешкой.

Я, не раздумывая, взяла фляжку из его рук, и сделала несколько больших глотков, не заботясь, что за жидкость в ней находится. Вкус я почувствовала только потом. Он был горьковатый и терпкий одновременно, а еще в нем чувствовалась легкая кислинка. Я слегка поморщилась и вернула фляжку старику. Он закрутил деловито пробку и повесил фляжку на место. Похлопал меня по плечу, и, не скрывая уже усмешки, произнес:

– Ничего... ничего, сейчас легче будет.

Я не спрашивала, что он мне дал. Во рту остался привкус шалфея и черемухи. Там было что-то еще, но сейчас для меня это было неважно. Я пыталась отдышаться. Тем временем, пока старик старался привести меня в норму, мужчина, который вышел из леса, легкой, скользящей походкой бывалого таежника подошел к нам. Посмотрел на меня сверху вниз и покачал головой. Его жест можно было понять только в одном смысле: «Бродят тут всякие...». Но, если честно, в данный момент мне было совершенно безразлично, если не сказать хуже, что он обо мне думает.

Я подняла взгляд, пытаюсь его как следует разглядеть, наплевав на деликатность и правила приличия. Какие уж тут правила, когда меня минуту назад, чуть медведь не сожрал!

И, между прочим, если я правильно поняла, его медведь. Так что, мою легкую бесцеремонность ему придется потерпеть, как некую компенсацию за пережитый мною страх. Внешность у него была довольно запоминающаяся. Суровое, словно выточенное из камня лицо, плотно сжатые губы, нос с легкой горбинкой, делающий его немного похожим на хищную птицу, небольшая черная борода, в которой не было заметно ни одного седого волоска. Из чего я заключила, что волосы были все-таки седыми. Мелькнула мысль, что же должно было случиться в его жизни, что он так рано поседел. Но, разумеется, искать ответ на этот вопрос было совсем не ко времени. Глаза были темно-серого, почти пепельного цвета. Черный зрачок терялся в них, будто растворяясь, что придавало его взгляду жутковатое свойство, словно он смотрит не на тебя, а сквозь тебя. Большой шрам пересекал его левый глаз, немного стягивая его, от самой брови, через всю щеку, оканчиваясь под скулой. Это создавало некую иллюзию, словно он в презрительной ухмылке щурил левый глаз. Да еще и это странное имя «Один». Скорее всего, это было не настоящее имя, а просто кличка, которую он получил, надо полагать, благодаря все тому же шраму. Шрам, как ни странно, не портил его облика, не безобразил лицо, а делал его действительно похожим на скандинавского бога, повелителя ассов. И еще, скорее всего, это было из-за его глаз, которые приковывали к себе внимание своей необычностью, заставляя забывать обо всем остальном.

Постояв несколько секунд надо мной, он обратился к старику.

— Я пойду Асхата закрою. Иначе лошадь сюда ни за что не вернется. — И направился вслед за медведем к дому.

Старик, соглашаясь, кивнул ему, а потом опять обратился ко мне.

— Ну что? Здесь посидишь или к дому пойдем?

Я, мысленно прикинула, смогу ли я дойти сейчас до дома старика, и решила, что мне это будет по силам. Тем более, что рядом с домом был родник, а пить мне сейчас хотелось нестерпимо. Во рту все пересохло, и снадобье Прона, которым он меня напоил, вызывало во рту еще большую сухость. Была и еще одна причина. Я не верила, что Один сумеет быстро найти Люську. А сидеть в ожидании этого события на земле посередине поляны было бы совсем глупо. Поэтому, я кивнула старику, и пробормотала:

— Чего здесь сидеть? Лучше к дому пойду...

Старик опять усмехнулся и, поднявшись с корточек пошел к дому, периодически оглядываясь на меня. Кое-как поднявшись с земли, я поплелась вслед за ним, стараясь, чтобы меня не болтало из стороны в сторону при этом. Но, видимо, питье, которое мне дал Прон, оказало свое влияние. И, подходя к дому, я чувствовала себя уже вполне сносно.

Один стоял на берегу ручья и пытался выманить медведя из воды, чтобы запереть его в небольшой пристройке, которую я не сразу разглядела, позади дома, и двери которой сей-

час были распахнуты, словно бы приглашая косолапого зайти внутрь. Как видно, пристройка из досок служила жильцам кладовкой для хозяйственных нужд. Но, медведю, как видно было глубоко начихать на все приглашения. Он плескался в воде, словно малый ребенок. Брызги радужным фейерверком разлетались ореолом вокруг него. Я невольно залюбовалась этой картиной, совсем позабыв о недавнем пережитом страхе. А косолапый не обращал ни малейшего внимания на все усилия человека, старавшегося его выманить из воды. Со стороны это выглядело весьма забавно. И я, совсем не к месту, вспомнила свое голубое детство, когда бабушка пыталась меня вытащить из реки, а я делала вид, что вовсе не замечаю ее громогласных воплей и размахивания рук. Эти воспоминания вызвали на моем лице улыбку, которую тут же заметил старик.

– Чему радуешься? – Тут же спросил он.

Я хмыкнула и указала рукой на медведя.

– Как дите малое... Меня тоже так же из воды в детстве не могли вытащить.

Старик усмехнулся.

– Все живое в нашем мире создано по одному образу и подобию. – И указав не на крыльцо, предложил. – Сядь в теньке посиди пока. А я помогу Асхата закрыть. Не то мы твою лошадку и вправду сюда не заманим.

Я присела на крыльцо. Мне нестерпимо хотелось пить, а еще не мешало бы умыться холодной водой. Но, пока там

принимал водные процедуры медведь, идти туда не очень хотелось. Он, конечно, почти ручной зверь, но все же зверь. А испытывать судьбу во второй раз за это утро, особого желания не возникало.

Вскоре двум мужчинам удалось «выудить» медведя из воды, и он неохотно отправился следом за Одином. А я кинулась к роднику. Встала на колени и опустила голову в ледяную воду, и так замерла в блаженстве на несколько секунд. Потом напилась вволю, прогоняя горьковатый привкус во рту, оставшийся после снадобья старика.

На крыльце меня уже поджидал Прон. Я присела рядом с ним, и задала вопрос, который меня сейчас интересовал больше всего:

– И как мы будем сейчас искать мою лошадь?

Старик в притворном удивлении приподнял свои лохматые брови:

– Мы...? Мы никак не будем. Ее сейчас Один приведет. – И с интересом стал разглядывать поляну перед домом, как будто увидел там что-то в высшей степени занимательное.

Я проследила его взгляд, но ничего, стоящего такого пристального внимания не заметила, и опять уставилась на Прона. А тот делал вид, что не замечает моего взгляда, поднялся с крыльца, подошел к молодой березке, которая росла рядом и к которой, совсем недавно, я привязывала Люську, и стал тихонечко что-то напевать, поглаживая белый ствол своей ладонью с узловатыми пальцами. Я прислушалась и смогла

разобрать слова:

*– Ты расти на радость всем, древо жизни,
Пусть обойдут тебя грозы и молнии,
Пусть достаточно будет тебе влаги и воздуха,
Чтоб росло ты и зеленело всегда...*

Насколько я могла понять, это было старославянская песня-приговор, которую наши предки исполняли, обращаясь за живительной силой растения, чтобы излечить недуги. Я сидела и слушала, как старик снова и снова повторяет эти строки, а в голове моей роились тысячи вопросов, которые я хотела бы ему задать. А ведь он действительно настоящий лекарь, и мне было чему у него поучиться. Только вот, вряд ли он возьмет меня в ученики. Тем более, что один у него уже, похоже, был. Один вышел из-за угла дома, и, не глядя ни на меня, ни на старика, напрямик отправился к опушке леса. Я принялась с любопытством за ним наблюдать. Мне было интересно, где и как он будет искать мою кобылу. У меня была тайная надежда, что умница-Люська должна прийти напрямик в родную конюшню. О том, как буду до базы добираться я, пока не думала. Расстраивало только одно. Лекарства для Кольки остались в седельной сумке, притороченной к седлу лошади. А значит, до того, как я начну лечить парня, времени уйдет намного больше, чем я представляла себе. Погруженная в свои тревожные мысли, я перестала обращать внимания на Одина. И совершенно напрасно.

Он остановился на краю леса, сложил ладони рупором и

издал какой-то гортанный крик, похожий на лошадиное ржание, только намного ниже тоном. Звук, подхваченный эхом, разнесся по всей поляне. Появилось такое ощущение, что здесь пасется целый табун лошадей, и все они начали ржать. Звук пометался по лугу, отражаясь от стоявших деревьев и замер на низкой ноте. А через несколько секунд, из леса слышалось ответное ржание. Вскоре, на поляну выскочила Люська, с бешено вращающимися глазами, с пеной на удилах, вся в мыле. Один издал еще какой-то звук, который я не взялась бы описать кроме как, успокаивающий свист. Кобыла подошла к мужчине, и отфыркиваясь встала с ним рядом, испуганно дрожа всей кожей. Он погладил лошадку по шее, что -то при этом приговаривая, а затем, взял повод в руку и направился к нам.

Я переводила удивленный, если не сказать, ошарашенный взгляд с приближающегося Одина на старика, не в силах произнести ничего более вразумительного, кроме как, «ни хрена себе!». Вроде бы, приличной женщине не к лицу подобные выражения, но мне на это было сейчас просто наплевать. На мой удивленный и вопросительный взгляд, Прон ответил с коротким смешком.

– Один с любым зверем разговаривать умеет. Талант у парня...

Конечно, «парнем» назвать Одина у меня вряд ли язык повернулся бы, но, возможно, с высоты своего возраста Прон вполне мог о нем так говорить. Тогда и я для него была про-

сто «девочкой». Я все еще продолжала тарашиться на Одина, когда он подвел Люську ко мне и протянул поводья, не произнося при этом ни слова. Я с большим трудом выдавила из себя «спасибо», приняла повод и принялась ее водить по поляне, чтобы она немного остыла. Потом позволила ей напиться из ручья, и вскочила в седло. И тут у «парня» прорезался голос. Хмуро глядя на меня, он произнес:

– Не советую тебе сейчас ее понукать. Пусть идет, как сама захочет. Ей пришлось набегаться, да и страха натерпелась, бедная. – Голос звучал немного хрипло, будто, у него в горле пересохло.

Я с изумлением уставилась на него. Он что, думает я изверг какой, примусь лошадь кнутом стегать, погоняя? Не найдя, что я толкового могу ему ответить, я еще раз пробормотала «спасибо», и направила кобылку в сторону тропы. На самой кромке леса, я не выдержала и оглянулась. Прона нигде не было видно, а Один стоял и смотрел нам с Люськой вслед. И только тут я поняла. Именно его я видела тогда, ночью в черемуховых кустах возле базы.

Всю обратную дорогу до дома я вспоминала свое посещение избы знахаря. В голове была невообразимая куча-мала из вопросов и догадок. Кто такой это Один? Он сын старика? Или его ученик? Почему Саныч ничего мне о нем не рассказал. И медведь Асхат тоже был загадкой. Не могу сказать, что мне часто приходилось встречаться с медведями, но немного я знала об этом звере. Медведи по своей сути не агрессивны,

но, чтобы такой взрослый медведь стал тебе другом... Это очень сомнительно, и возможно только в одном случае: если человек воспитал его с детства.

За всеми этими размышлениями, я не заметила, как добралась до базы. Люська-умница довезла меня безо всяких приключений. Впрочем, нам с ней приключений на сегодня было вполне достаточно. Я решила, что не стоит рассказывать мужикам обо всем, что случилось у дома деда Прона. Андрей помогал Василичу на кухне. Колол дрова и таскал воду. Завидев меня, оба бросили свои дела и кинулись ко мне. Василич молча оглядел меня беглым взглядом с ног до головы и, убедившись, что я цела и невредима, удовлетворенно крикнул. Он прекрасно знал, что я терпеть не могу отвечать на бесконечные вопросы о собственном самочувствии или о том, как мои дела. Тем более, что все было вполне очевидным. Я задала вопрос, который волновал меня больше всего:

– Как там Колька?

Андрей с Василичем переглянулись, и после молчаливого соглашения, заговорил Андрей.

– Вроде бы жара нет. Но, нога его мне не нравится. Я его с полчаса назад твоим отваром напоил. Луковицы отвязали. А так... – Он пожал плечами. – Вроде бы все не так плохо. Ты привезла лекарства?

Я молча кивнула. Достала свою добычу из седельной сумки, попросила Андрея обиходить Люську, а Василича – по-

ставить кастрюльку для отвара. И сразу прошла в свою избушку, поглядеть, как там Колька. Несчастный парнишка спал, как убитый. Нога, лежавшая поверх одеяла, была опухшей и особого оптимизма мне не внушала. Но я очень надеялась, что снадобья Прона помогут парню быстро встать на ноги.

Глава 9

Детство у Олежки было счастливым. Он был поздним ребенком, очень долгожданным, и родители в нем души не чаяли, хотя и не особо баловали. Мать была филологом, читала лекции в университете, потом как-то увлеклась этнографией. Не смотря на возраст, закончила заочно исторический факультет. И теперь моталась по экспедициям, изучая культуру народов Урала. А отец был геологом, тоже, едва снег стаивал, уезжал в экспедицию и до следующих снегов Олежка его не видел. Пока был маленький его на все лето к себе забирала бабушка Анфиса в деревню. Вот где ему было раздолье! Бабушка была малограмотная, но сказок, былин, древних сказаний знала великое множество. Так что, у Олежки тут тоже была своя экспедиция по этнографии, почти, как у мамы. Ему нравилось засыпать, уютно свернувшись на бабушкиной кровати, провалившись в мягкую, из гусиного пуха, перину, под ее неторопливый, словно журчащий ручеек, голос. И он сначала плыл в этом мире ее рассказов, как в волнах тумана. Затем, глаза незаметно закрывались, он проваливался в сон, словно попадал в другой мир. В нем огромные ели клонили свои головы к земле под напором Борея... С их ветвей свисали до земли, как седые бороды древних старцев, старые мхи, и раскачивались в такт порывам ветра. Грозовые облака наползали одно на другое. И раздавались

мощные, раскатистые удары грома! Это грозный Бог Перун выезжал на своей колеснице, и метал огненные стрелы свои в злого змея, укравшего жену бога. Начиналась битва! И проливалась кровь змея на измученную землю горячими каплями летнего дождя, на последние камни ушедшей Гипербореи. Какие тайны еще хранят эти скалы, эти горы и бескрайние леса? Какую память они сберегают? Что скрывается за этими, как бескрайние океанские просторы, туманами? Возродятся ли дни былой славы...? Только Боги знают... Затихает вдали за горизонтом звук битвы. Удаляется в чертоги небесная колесница яростного Бога... И Олежка, подхваченный буйными порывами ветра, уносился вслед за огненной колесницей, и засыпал глубоко и спокойно с блаженной улыбкой на губах.

Когда подрос, и ему исполнилось одиннадцать лет, отец пообещал взять его с собой «в поле», как говорили геологи. Мать была против, считая, что сын еще маловат для подобных приключений. Олежка сидел в своей спальне под дверью, и с замиранием сердца слушал, как спорят родители, сжимая в руках, словно спасительный круг, отцовский бинокль.

– Он еще маленький! – Горячилась мать. – Ты что, не понимаешь?! Ты будешь по своим горам лазить, а он что, в палатке комаров кормить?! Да, и потом, ведь сам знаешь, тайга, возможно всякое!

Мать горестно вздохнула, и у Олежки, кажется, перестало

биться сердце. Он прекрасно знал, когда мама начинала так вздыхать, отец ей всегда уступал. Но, на сей раз, все было по-другому. Он услышал, как папа достаточно настойчиво принялся возражать.

– Оля, он мужчина, не забывай этого. Ты его всю жизнь под юбкой не продержишь. Анфиса Федоровна безусловно, достойная женщина, и просто замечательная бабушка, но мальчик растет, и ему необходимо закалять и характер, и тело. А в этот раз в экспедиции будут еще два паренька. Ты же знаешь Куликова Сергея? Так вот, он своих пацанов берет. Так что, Олегу будет не скучно. Парни у него хорошие, многое умеют, многое знают. Так что нашему сыну будет чему у них поучиться.

Мать опять вздохнула, но Олежке показалось, что уже не так горестно, и все еще попробовала возражать.

– Так Куликовским ребятам уже сколько? Младшему четырнадцать, а старший уже совсем почти взрослый мужчина, ему семнадцать. А наш-то, совсем малявка по сравнению с ними. Захотят ли возиться? Да, и няньки с них, как с тебя балерина. – Невесело усмехнулась она.

Голос отца стал мягким и чуть насмешливым.

– Оля, да они сами предложили, чтобы я Олежку с собой взял. Они за ним и присмотрят. Не волнуйся, все будет хорошо.

Они еще поговорили немного, но Олежка дальше слушать не стал. Было ясно, что в этот раз папа все-таки возьмет его с

собой. Он забрался в кровать, сунул отцовский бинокль под подушку, как некую гарантию и пропуск в тот таинственный мир под названием «тайга», в который до сих пор ему ходу не было, и, свернувшись калачиком, уснул, счастливо улыбаясь во сне. А когда он проснулся, возле его кровати стояла пара новеньких кирзовых сапог маленького размера.

То лето он долго еще вспоминал и наяву, и в своих снах. Тайга приняла его не сразу. Сначала, она обрушилась на мальчишку всей своей мощью комариных и москитных туч, затяжных дождей, ночного волчьего воя. Но, рядом был отец, и Олежка, сцепив зубы терпел. Терпел так, как только умел, стараясь не показывать своих слабостей. А ночами, зарывшись в спальник в палатке, тихонько скулил, так, чтобы, не дай Бог, никто не услышал. Нестерпимо чесалось все тело, глаза превратились в две щелочки от укусов ядовитой мошки, непривычные кирзовые сапоги натирали ноги до кровавых мозолей. Отец поглядывал на него вопросительно, но он, упрямо стиснув зубы, выдавливал на своем лице улыбку. Ведь если он только пикнет, отец тут же его отправит домой, и больше никогда уже не возьмет с собой. Да еще ему страстно хотелось показать себя настоящим мужчиной, чтобы отец им мог гордиться.

С Федькой и Иваном Куликовыми он подружился сразу. Федька старший был уже почти взрослым дядькой. У него даже на подбородке вылезал пушок, который обещал в скором времени превратиться в настоящую бороду, как у его

отца или дяди Сережи, отца мальчишек. Федор был не по годам рассудительным, и опекал их с Ваняткой, младшим Федькиным братом, почти, как взрослый, серьезно и ответственно. По утрам подъем вместе со всеми, легкая гимнастика, водные процедуры у ледяного ручья, до которого еще надо было добежать. Затем, Федор придумывал им какие-нибудь несложные дела на общую пользу, так сказать. Натаскать хвороста или воды, заштопать одежду, которую мальчишки, словно нарочно раздирали, лазая по деревьям и скалам. А после обеда они помогали мыть посуду. И только потом у них было «свободное время». У братьев не было мамы, она умерла, когда младшему Ваньке исполнилось четыре года, а Федору семь. О причинах ее смерти никто не говорил, да и Олежка не решался расспрашивать, жалея братьев. Как это они без мамы? Мальчик эдакого ужаса даже представить себе не мог. Но мамы не было, и это было горьким фактом и страшной очевидностью. Воспитывал их отец. С раннего детства он брал их с собой «в поле», и для них все это было уже привычным. Федька на следующий год уже пойдет в армию, а потом станет геологом, как и его отец. Ванька был характером помягче, смешливый, всегда готовый к какому-нибудь озорству, за что и получал нередко подзатыльники от старшего брата.

Иван сразу взял Олежку под свое крыло. Теперь, все проказы учиняли уже вдвоем. Правда, ничего такого страшного они не совершали. Самым большим проступком был только

один, о котором они никому до конца так и не рассказали. Они собрались отправиться в пещеру, которая находилась недалеко от их лагеря, наслушавшись про нее удивительных историй от деда, который был в экспедиции разнорабочим, и его все, почему-то, называли просто «Сеня». Сеня был уже совсем старым, лет сорока пяти, и знал множество историй и баек, коими потчевал ребят по вечерам, сидя у костра. Так вот, про пещеру он рассказывал, что в ней, были спрятаны несметные сокровища бандитской шайки, которая орудовала в этих краях лет сто назад. А предводителя банды звали смешным именем Ерошка. Мальчишки смешливо фыркнули. Ну, правда, что это за имя для грозного атамана, «Ерошка»? Смех один, да и только! Федор, слушавший все это, сидя у костра и что-то мастера из двух деревяшек, только презрительно скривился и спросил:

– Сеня, ты случайно не про Али-Бабу и сорок разбойников рассказываешь?

Сеня обиженно надулся, и пробурчал в ответ на эту реплику Федьки:

– Сам ты Али-Баба! Не знаешь, так и не говори!!

Они тишком убежали из лагеря на следующий день перед самым обедом. Улизнули пока Федор помогал геологам с образцами пород, прихватив с собой по коробку спичек, и по куску хлеба. Идти до пещеры следовало километра три в гору, потом пройти по хребту еще километра два. И там были скалы. Олечку просто околдовало их тяжелое и суровое оча-

рование. Словно, он попал в совершенно другой мир. В тот мир, о котором ему рассказывала бабушка Анфиса в своих сказаниях. Мальчик без конца вертел головой, словно ожидая, что из-за какого-нибудь камня высунется голова кладовика⁷, ну, или, на худой конец, просто лешего.

Пещера, запрятанная между двух больших камней, напоминающих очертаниями голову волка, была не очень глубокая, может метров десять всего. В ней пахло сыростью и диким зверем. У Олежки по коже побежали холодные мураши. Словно, из темных углов на них смотрел кто-то невидимый и ужасный. Судя по тому, как Ванька переступал с ноги на ногу, испугано оглядываясь, ему тоже было не по себе и хотелось побыстрее сбежать из этой темной дыры, которая словно тянула их в свою ненасытную утробу. Спички сгорали быстро, и не давали достаточного света, чтобы разглядеть пещеру как следует.

Нестерпимо захотело оказаться там, где ярко светит солнце, где все просто и понятно, где комары уже не кажутся таким уж страшным бедствием. Когда они выскочили наружу, заполошно дыша и, почему-то, оглядываясь, будто, кто-то гнался за ними, и мог в любой момент схватить и утащить обратно в темноту лаза, прямо перед пещерой их поджидал «сюрприз». Медведица с двумя маленькими медвежатами.

Ванька как-то сдавленно пискнул, вроде как собираясь

---

⁷ Кладовик – мелкий дух у древних славян, отвечающий за сохранность кладов, зарытых в земле, и отпугивающий от них людей

крикнуть, но в последний момент передумал, а Олежка, не отдавая себе отчет, почему, сделал несколько шагов вперед, прямо к медведице. Он бы не смог объяснить не то, что кому-нибудь, а даже самому себе, почему он поступил так. Было ощущение, что он встретил старых друзей. Медвежата, завидев людей, перестали баловаться, и замерли недалеко от матери. А мать – медведица, потянула носом воздух, прижала свои круглые, и как казалось Олежке, смешные ушки к крупной, словно бочка, голове, и пошла напряженной походкой прямо к мальчику, изредка издавая какие-то утробные звуки, больше похожие на кваканье огромной жабы, чем на медвежий рев. Позади Олежки раздался дрожащий от страха Ванькин голос.

– Стой! Не шевелись!!!

А Олежка и не собирался шевелиться. Он заворуженно смотрел на приближающуюся медведицу, совершенно не испытывая никакого страха. Огромный бурый зверь казался ему, будто продолжением того сказочного мира, в котором он вдруг очутился благодаря собственному неумному любопытству. Вот сейчас, он подойдет к нему и позовет идти за собой в огромный ДРУГОЙ таинственный мир. Медведица подошла к нему на расстояние метров трех и остановилась, потягивая носом воздух. И тут случилось то, что привело Олежку в совершеннейший восторг. Медвежата выскочили из-за спины матери, и кинулись прямо к нему. Они стали тыкаться в него носами и лбами, скакать вокруг него, будто

приглашая мальчика поиграть с ними. Он вытащил из кармана кусок хлеба, и, разломив его пополам, протянул медвежатам. Мама-медведица предостерегающе рыкнула, но, дети есть дети, пускай даже и медвежьи. Медвежата осторожно потянули носами, а потом, быстрым движением выхватили хлеб из рук мальчика, едва не откусив ему при этом палец. Они стали чавкать так самозабвенно и забавно, что Олежка не выдержал и тихонько засмеялся. А медведица уселась на задние лапы и смотрела на своих чад, с умилением и любовью, как на Олежку смотрела его бабушка.

Медвежата, быстро управившись с хлебом, опять кинулись к мальчику, тыкаясь в него носами.

– У меня больше ничего нет... – Огорченно проговорил он.

При звуках его голоса, медведица поднялась на четыре лапы, и тихонько рыкнула, ну точно, как бабушка, когда пыталась загнать Олежку домой с улицы. Медвежата нехотя отбежали от мальчика, послушные материнскому слову. А медведица развернулась, и медленно пошла в лес. Медвежата весело понеслись за ней, изредка оглядываясь на мальчика, как Олежке казалось, с сожалением.

Когда медвежье семейство скрылось в лесу, Ванька, который столбом стоял все это время позади Олега, подскочил к мальчику и хлопнул его по плечу:

– Ну, ты даешь!! Я думал, все, нам конец. А еще если бы ты закричал или побежал, тогда точно было бы все... А ты

гляди-ка, молодец. Только скажи, ты зачем к медведице-то пошел? Это ж зверь таежный, она шуток не понимает.

Олежка смущенно пожал плечами и выдавил кое-как из себя:

– Она на мою бабушку похожа была...

Ванька пару секунд смотрел ошалевшими глазами на Олежку, а потом, хлопнул себя по бокам руками и согнувшись пополам, захохотал:

– Ой, не могу... На бабушку... Ну ты даешь...!!! Вот сказанул так сказанул!!! – Он смеялся так, что из глаз его лились слезы, и Олежка, словно заразившись его смехом, тоже принялся хохотать.

От отцов им, конечно, попало за самовольный уход из лагеря, а Федька вообще, пол дня с ними не разговаривал, обиделся. Ему от старших тоже здорово досталось, за то что за пацанами не досмотрел. Про историю с медведями они, само собой, никому не рассказали, даже Федьке. Иначе, не видать им больше никаких экспедиций. А потом настал учебный год, и вся жизнь Олежки опять потекла по накатанному пути. Мама, приехавшая из очередной экспедиции, рассказывала удивительные истории про подземные города, про людей, живущих там, про неведомую гиперборейскую цивилизацию, отголоски которой сохранились в древних легендах народов Урала. Олежка впитывал в себя эти истории, как губка, все время пытаясь втиснуть их в ту картину мира, которая возникла у него после той первой и незабываемой экс-

педиции, твердо решив про себя, что, когда вырастет, будет заниматься поисками этой самой цивилизации. А потом отец стал его уже каждый год брать с собой «в поле». Он лазил по горам со своим неизменным другом Ванькой, и старался найти хоть какие-нибудь следы этих самых неведомых людей, которые никогда не болели, жили по тысяче лет, и знали все, все тайны вселенной.

Гиперборею он не нашел, но польза от участия его в экспедициях, определенно была. Отец его научил стрелять, держать топор в руках, выживать в тайге в самых суровых условиях, разводить костер с одной спички под проливным дождем, ездить на лошади верхом и в запряженной телеге, и еще много всего интересного и необычного, о чем его сверстники и слыхом не слыхали. И Олежке казалось, что его счастье будет бесконечным, и что о своей будущей жизни он знает все абсолютно точно. И даже не подозревал, что где-то там, на небесах, узор его судьбы уже вышит бесстрастной богиней Сречей⁸ на ковре его жизни, и изменить этот узор никому не по силам.

---

⁸ Среча – у древних славян богиня Судьбы

Глава 10

Еще в начале учебного года они с родителями договорились, что, как только Олежка сдаст экзамены за восьмой класс, они все вместе поедут на две недели в горы. Мама обещала показать им с отцом знаменитые пещеры, которые по легенде спускаются к самому центру земли, где светит синее солнце, где построены небывалые города, и живут еще, словно осколки великой Северной цивилизации, разлетевшиеся под ударами стихий, гиперборейцы, остатки тех, кого местные племена несколько тысяч лет назад называли «белые боги». Мама так о них рассказывала, что Олежка и вправду поверил в их существование.

В течении года он с какой-то остервенелой страстью буквально «глотал» книги, где хоть в одном предложением было сказано о Гиперборее. Он приставал к матери до тех пор, пока она не принесла ему из института список литературы, которая так или иначе касалась Северной цивилизации. Сначала он перечитал все, что только смог найти у себя дома. Затем, он переместился в библиотеку. Чего он не мог найти, то заказывал на абонементе, иногда, по несколько недель дожидаясь, когда придет та или иная книга. Библиотекарьша только головой качала всякий раз, когда он делал очередной заказ, удивляясь одержимости мальчишки, совершенно несвойственной молодежи в этом возрасте.

Так что к лету, Олег (который перестал быть «Олежкой» сразу, как только ему исполнилось пятнадцать) был полностью готов к поездке с родителями. Дорога предстояла неблизкая. Сначала ехали на поезде, потом несколько часов на электричке, пару часов по лесной дороге тряслись на старом маленьком, похожим на вездеход, неуклюжем автобусе КАВЗ. А затем, в деревне Черпаково, стоящей у самых предгорий, взяли лошадей в местном охотхозяйстве, где хорошо знали отца, который несколько лет назад работал в этих местах с экспедицией.

На лошадях им предстояло пройти через перевал, миновать седловину, опять подняться в гору, на склоне которой и были расположены те самые пещеры, к которым они стремились попасть. Погода стояла немного прохладная, изредка с гор налетал порывами ветер, шушукаясь о чем-то о своем с деревьями, и шевеля тихонько мохнатые лапы пихт и елей. Настроения Олега не могли испортить ни комары, ни грязь, оставшаяся после недавно прошедших дождей. Он был весь в предвкушении приключений. А вдруг, они и вправду найдут тот затерянный мир, о котором так много рассказывала мама, и о котором он читал в многочисленных книгах?

За один переход до места они не успевали дойти, и остановились на ночевку у маленького горного ручья. Они с отцом быстро нарубили мягких и ароматных пихтовых веток, поставили палатку, развели костер, и пока мама занималась приготовлением гречневой каши с тушенкой, отец по-

вел Олега вверх по ручью, где, судя по развалившимся старым и уже прогнившим деревянным лоткам, была когда-то, так называемая, стихийная добыча золота.

– Здесь есть золото? – Глаза мальчишки удивленно распахнулись.

Отец посмотрел на него с усмешкой.

– Есть, но очень мало. Недостаточно для промышленной добычи. – Потом он присел на большой валун, приглашая сына присоединиться к нему, и заговорил спокойно. – Запомни, сынок. Золото – штука коварная. Заманивает человека в свои цепкие объятия, и может не выпустить до самой смерти. – Отец серьезно посмотрел на сына. – Если... Если только ты не знаешь, как с золотом обращаться. На самом деле, дело тут не в золоте, дело в человеке. Точнее, в вопросе, который человек должен сам себе задать: для чего я живу? И если ты поймешь, что твоя цель – это стремление к знаниям, как источнику мудрости и познания окружающего нас мира, чтобы жить с ним в гармонии, простые человеческие отношения, доброта, дружба, любовь, поверь, тогда тебе не страшно золото. А если ты захочешь обладать им ради обладания, богатства и власти, тогда, ты пропадешь. Оно выест изнутри всю душу, все, что в тебе есть человеческое, оставив только пустую скорлупу, которая с легкостью заполнится всяким мусором. И тогда, ты просто перестанешь быть человеком, золото погасит в тебе искру Божию. Вырваться из этой ловушки мало кому удавалось. Помни об этом все-

гда, и береги в себе этот огонь, дарованный нам Творцом.

Олег с изумлением смотрел на отца. Они никогда не говорили о подобных серьезных вещах. Не то, чтобы отец обращался с Олегом все еще, как с «Олежкой», вовсе нет. Но такие серьезные темы они никогда не затрагивали. Мальчик смотрел с изумлением, граничащим с восторгом на отца, и думал, как ему все-таки повезло в жизни. У него были такие замечательные умные, сильные и мудрые родители.

Тут они услышали звон импровизированного «гонга», сделанного из алюминиевой кружки и ложки. Это мама их звала на ужин. Ночью Олегу не спалось. Он потихоньку вылез из палатки, и уселся у потухающего костра. Потом, подбросив в него несколько сухих поленьев, стал смотреть на огонь, пытаясь осознать то, что сказал ему отец. Вдруг, лошади стали фыркать и тревожно переступать копытами, как будто почуяли чье-то постороннее присутствие. Но, не зверя, а человека. Олег напрягся, внимательно прислушиваясь к ночным звукам тайги, но, не услышал ничего тревожного или настораживающего. В палатке послышалось легкое шуршание, и отец вылез наружу, и встревоженно спросил:

– Ты почему не спишь?

Олег, не зная, что ответить отцу, пожал плечами и проговорил:

– Лошади чего-то волнуются...

Отец подошел к лошадам и стал с ними тихонько разговаривать. Вскоре, животные успокоились. Отец подсел к ко-

стру, и подбросил в него еще несколько сухих поленьев. Пламя вспыхнуло ярче, освещая довольно большое пространство вокруг. Посидев немного в молчании, отец проворчал:

– Ступай спать, полуночник, я побуду здесь немного, покараулю.

Олегу спать не хотелось, но возражать отцу не стал, а покорно поплелся в палатку. Но ему казалось, что в затылок ему уперся чей-то внимательный взгляд, как тогда, в пещере, в которую будучи совсем еще маленьким, он залез вместе со своим другом Ванькой Куликовым. Не оглядываясь, он нырнул в палатку, залез в свой спальник, но уснуть никак не мог. Непонятное чувство тревоги забралось вслед за ним под брезентовый полог, прогоняя сон, и рождая беспокойные мысли.

Видимо, под утро он все же уснул, потому что, когда открыл глаза рядом никого не было. Из-под входного полога тянуло дымком от костра, и был слышен негромкий разговор родителей. Олег не стал прислушиваться. Сладко потянулся, выпрастываясь из спальника. Тут полог палатки откинулся в сторону, и солнечные лучи проникли внутрь, слегка ослепив мальчика. Насмешливый голос отца, произнес:

– Вставай, соня!! Проспишь все Царствие Небесное... Живо умываться, завтракать, и пора в путь!

Олег выбрался из палатки, и бегом кинулся к ручью. Холодная вода ломила зубы, руки немели от ее ледяного прикосновения. Но, зато, она сразу привела его в чувство,

скинув остатки сна. Ночные тревоги куда-то отодвинулись, словно их унесла бегущая вода. Мир казался радостным и счастливым. Настроение у него поднялось, и, весело насвистывая, он вернулся к костру.

Ближе к полдню они добрались до склона, где находились пещеры. Суровые камни, нависающие у них над головами, напоминали головы каких-то диковинных существ. Эти скалы, стоящие здесь не один миллион лет пробудили в Олеге какие-то смутные не то воспоминания, не то сны, и сердце мальчика, в который уже раз за эту поездку, сжалось от предчувствия чего-то неотвратимого и неизбежного, на что он уже никак не мог повлиять. А камни стояли холодные, отстраненные, до жестокости равнодушные, продолжая взирать на людей с надменным безразличием.

Они расседлали лошадей, немного перекусили, и решили сразу же лезть в гору. Вниз, от самого входа в пещеру, по обеим сторонам, словно два языка спускались каменные осыпи. Нужно было их обходить, и получилось, что к пещере они подошли немного сверху и сбоку. Поэтому, пришлось потратить некоторое время, чтобы добраться до входа. Включив фонари, они осторожно вошли внутрь. На первый взгляд, Олегу показалось, что в пещере не было ничего особенного. Они прошли немного вглубь, и он услышал, как мама торженно выдохнула:

– Смотрите!!!

Олег уставился на то место в стене, куда светил луч ма-

миного фонаря. По всему камню велись какие-то черточки и закорючки, похожие на червячков, выбитые в скале непонятно каким образом. Все края были гладкими, словно отполированными. Было похоже, что эти значки вовсе не выбили, а, вроде как, просто выжгли, выплавили в камне, что было совершенно невероятно!

– Что это? – Олег задал вопрос почему-то шепотом, словно опасаясь разбудить неведомое нечто, которое скрывалось в темных глубинах пещеры.

Голос мамы звенел от восторга, когда она ответила:

– Это руны... Я даже боюсь предположить сколько им лет! На обратном пути обязательно их надо перерисовать. – И она ласково, словно живое существо погладила шершавый камень.

Они прошли дальше, вглубь пещеры. Олег постоянно оглядывался на вход, в котором было видно ярко-синий кусочек неба, напоминая заплатку на темном каменном одеяле. С каждым шагом эта заплатка становилась все меньше и меньше, пока совсем не исчезла, и их окружил густой, как смола, мрак, в котором каждый звук казался чужим, незнакомым, таинственным и будоражащим фантазию. Только полосы света, отбрасываемые их фонарями, словно лезвия волшебных мечей, резали эту тьму на куски, не давая ей собраться воедино и завладеть людьми полностью. Вскоре туннель, по которому они шли, разделился на два хода. Отец, шедший впереди, остановился в раздумье, не зная, какой

путь выбрать. Олег с мамой подошли к нему.

— Ну что, Оля, ты у нас начальник экспедиции, тебе и решать. — Отец смотрел на маму с ласковой, чуть дразнящей улыбкой.

Мама, напротив, была серьезна и сосредоточена, как никогда. Говорила она негромко, но голос отражался от камней и гулко продолжал гулять по коридорам, создавая ощущение, что кроме них здесь есть еще кто-то, невидимый, настороженный, подглядывающий за ними из темноты. Олег непроизвольно поежился. Ощущение чужого взгляда в затылок стало сильным, как никогда, будто, наблюдающий стоит прямо за его спиной, и стоит только мальчику оглянуться, как он столкнется лицом к лицу с... кем? Олег не смог бы ответить на этот вопрос. Он сцепил зубы, чтобы не поддаться этому желанию, обернуться. Иначе... Что «иначе», он даже думать не хотел. Ему вдруг страстно захотелось очутиться прямо сейчас у костра, под звездным небом. Он покосился на родителей, не заметили ли они его состояния? Очень уж не хотелось показаться перед ними слабым. Но, родители все еще раздумывали по какому коридору идти. Папа считал, что надо выбрать любой, и идти по нему. А мама хотела осмотреть как можно больше, поэтому стояла на своем, что следует пройти немного по одному коридору, а потом по другому, и выбрать самый так сказать «перспективный». Наконец, отец сдался. И они отправились по левому ответвлению. Над самым входом в этот коридор Олег увидел стран-

ный значок, высеченный в камне. Три изогнутых пересеченных линии, словно три переплетенные змеи.

Через несколько десятков метров, пол под ногами пошел под уклон, и вскоре коридор стал расширяться. Они остановились. Лучи фонарей побежали по камням стен, которые в этом месте были на удивление гладкими, словно отполированными. И на них были выбиты какие-то надписи, очень похожие на те, которые они увидели в самом начале. Только здесь этих надписей было гораздо больше. Ими были исписаны почти все стены туннеля от пола и до самого верха. Мама торопливо достала блокнот, и стала переносить эти загадочные письма на бумагу. Отец подсвечивал ей фонариком, а Олег стал внимательно разглядывать потолок.

Внезапно, он услышал какой-то кракающий звук. Как будто, где-то совсем рядом кто-то большой раздавил огромный орех своей сильной ладонью. Звук повторился. Потом, еще и еще. Беспокойство овладело мальчиком. Родители тоже услышали этот звук.

– Срочно уходим...!!! – Голос отца был встревоженным.

– погоди, еще несколько строк, я почти закончила... –
Мать умоляюще посмотрела на мужа.

Но, отец уже схватил ее за руку и поволок обратно, прочь из этого места. Олег на мгновение растерялся, но повинуясь крику отца, заспешил за родителями. До выхода из коридора оставалось совсем немного. Олег очень хорошо помнил этот подъем. И тогда, каменный пол под их ногами заходил,

словно спина ожившего громадного змея. Раздался сильный треск. С потолка начали сыпаться камни. Они побежали вперед из последних сил. Большой кусок камня больно ударил мальчика в плечо, сбивая его с ног. Он закричал, и в этот момент раздался страшный грохот, камни лавиной хлынули на них со всех сторон. Олег еще запомнил слабый луч фонаря в руках матери, метнувшейся к нему, и отца, склонившегося над ними, стараясь их закрыть собой от падающих камней. А потом наступила тишина, и он перестал ощущать что-либо, провалившись в небытие.

Глава 11

Снадобье Прона помогло, и Колька уверенно шел на поправку, чем меня несказанно радовал. Примочка в бутылочке пахла дегтем, и я с опозданием вспомнила, что деготь является очень мощным антисептиком и лечит практически любые плохо заживающие раны. Только, чистым дегтем мазать нельзя, иначе можно сжечь кожу почище открытого огня. Я пришла к неутешительным выводам, что и сама бы могла приготовить что-нибудь похожее, только тогда мне бы пришлось не спать по ночам, потому что, другого свободного времени, кроме как ночь у меня не было. Я себе представила эту веселенькую картину. Тишина, мужики спят, а в моей избушке не гаснет свет, я растираю травы пестиком в тигле, и варю зелья, бормоча над котелком какие-нибудь наговоры. Вот картинка будет!! Только большой бородавки на носу не хватает! Пожалуй, тогда мои мужики от страха разбегутся. Ладно, шутки шутками, а я была рада, что у нас, практически под боком, живет такой знающий человек, как Прон. Только вот, мне не давали покоя вопросы, связанные, как с самим стариком, так и с его напарником, или учеником, или вообще, Бог знает кем, то ли с прозвищем, то ли с именем Один. Да, в довесок ко всему еще и этот медведь по имени Асхат!

Тут я встрепенулась. А ведь я еще старика-то так и не от-

благодарила! Надо бы к нему съездить, гостинцев отвезти. Колька-то вот он, героем уже почти скачет. Сказано – сделано! На следующее утро я, слегка разворошив запасы Василича, погрузила на Люську корзину с провизией. Свежей рыбой старика, я думаю удивить сложно, а вот от копченой шуки янтарного цвета, почти прозрачной от собственного жира, думаю, мало кто откажется. Критически оглядела остальные гостинцы. Думаю, земляничное варенье ему тоже никто не варит. Для верности добавила еще банку соленых огурцов, которыми нас снабжали деревенские бабули в благодарность за дрова, килограмм пять сахара и пол мешка муки. Насыпала маленький мешочек карамели и печенья, обездолив своих мужиков килограмма на два этих простых сладостей. Оглядев все эти богатства, удовлетворенно хмыкнула, надеюсь, старику мои подарки понравятся. Потом, подумав немного, добавила ко всему прочему бутылку керосина. Думаю, им там в скиту это лишним точно не будет. И оставив распоряжения Василичу на случай моей задержки, вскочив в седло, отправилась в путь, уже, можно сказать, по проторенной дорожке.

Правда, возникал еще один вопрос. Что делать с медведем? Точнее не так. Что делать с Люской, если Асхат опять захочет с нами «поиграть». Как известно, кошке – игрушки, мышке -слезки. Но, решив, что раз теперь я в курсе, что медведь ручной, я смогу справиться с кобылкой в случае чего. Но, карабин к седлу приторачивать не стала, а надела его на

плечо. Так вернее будет. Второй раз остаться в тайге без оружия мне, почему-то не хотелось.

День был жаркий, душный. Пахло цветущими травами. Кое-где выбрасывал свои ало-фиолетовые стрелы кипрей, белели зонтики дягиля, местами зазывно синели небесно-голубые султаны живокости, и до головокружения пахло хвойной горячей смолой. Мошка висела серыми облачками над самой землей, а птицы летали низко, низко, радостно ее поедая. Это означало, что скоро может пойти дождь, а то и гроза разразится. Все звуки в лесу казались слегка приглушенными, травы на луговинах пригибались низко к земле, словно старались укрыть свои головы от жара солнечных лучей.

Люська трусила потихоньку, отмахиваясь от мошки хвостом и периодически фыркая. Мы съехали с основной дороги, которую не многие бы осмелились назвать таким громким словом, и свернули на квартальную просеку, когда Люська слегка притормозила, и повернувшись всем корпусом влево и чуть назад, встала, как вкопанная. Я с недоумением смотрела на лошадь.

– Люська, что на тебя нашло? Нам прямо надо...

Я попыталась дернуть повод, но лошадка, мотнув недовольно головой, с места не сдвинулась. Только я собралась высказать упрямой кобылке все, что я о ней думаю в данный момент, как мой слух уловил звуки чьих-то голосов с той стороны, куда смотрела Люська, там, где совсем недавно мы съехали с дороги. Я спешила с лошади и, повинувшись

скорее своим инстинктам, чем разуму, сошла с просеки, и укрылась за разлапистой елью, поглаживая Люську по шее, и тихо приговаривая.

— Ох Люська, да оказывается из нас двоих глупая скотинка — это я, а вовсе не ты. Ты уж прости меня, что плохо о тебе подумала. Кого это еще принесло вдруг в наши края?

Голоса стали приближаться, а кобылка вдруг занервничала, стала переступать на месте и замотала головой, тихонько всхрапывая. Я покрепче взяла повод, наклонилась к самому уху лошади и зловеще зашептала.

— Не вздумай...! Если пикнешь, сама тебя на живодерню сведу!!

Лошадь обиженно покосила на меня глазом, и понуро опустила голову. Мне стало неловко. Бедной лошадке и так со мной приключений перепадает, а тут еще я строжиться принялась. Я ласково погладила ее по морде, и тихонько шепнула:

— Да я шучу... Шучу я... Никому тебя в обиду не дам. Только не вздумай издавать сейчас какие-нибудь звуки. — Люська несколько раз кивнула головой, словно соглашаясь, а я свое внимание полностью сосредоточила на дороге, с которой мы недавно съехали.

Голоса стали приближаться. Я осторожно отвела рукой колючую лапу ели и стала всматриваться в ту сторону, откуда должны были показаться люди. И вскоре, между деревьями показались всадники, я насчитала пять человек. Все

на лошадях, в камуфляже, с карабинами за плечами. Только у первого всадника за плечами висел охотничий дробовик, и одет он был попроще, в линялую брезентовую куртку, которые во времена моей молодости называли «штормовкой», серые старые брюки, да кирзовые сапоги на ногах. На голове какая-то несуразная кепочка. Скорее всего – это проводник. Замыкающий вел на привязи за собой еще одну лошадь, нагруженную поклажей. Лиц я рассмотреть не могла, и о чем говорили, тоже не слышала. Направлялись они по дороге, которая вела в деревню через нашу базу. Не знаю почему, но мне не захотелось показываться им на глаза сейчас. Вроде бы, в них не было ничего зловещего или разбойничьего. По тайге разный люд бродит. Есть и геологи, и таксаторы, и охотники, встречаются военные, это когда из зоны ээки сбегает, и сами беглые ээки тоже попадают. Но, встреченные люди по моим представлениям, как-то ни под одну из этих категорий не подходили. Я быстро мысленно прикинула. На базе у меня сейчас только Василич, да Колька на правах инвалида. Остальные мужики по делянам. Андрей уехал в четвертую бригаду, там у них с верхним⁹ складом какие-то проблемы возникли. За Василича я не переживала, несмотря на свои причуды, он у меня дедок боевой, к тому же, была в нем еще и природная мужицкая хитринка. Так что, на рожон он сам не полезет. Да, и не похожа эта группа на бандитов или

---

⁹ Верхний склад – на лесозаготовке, расчищенная площадка, для складирования заготовленной древесины для дальнейшей транспортировки.

на каких других недоброжелателей.

Я дождалась пока они отъедут на достаточное расстояние, и вывела Люську из еловой чащобы. Вскочила на нее верхом и продолжила путь прежним маршрутом. Но, из головы не выходила та группа, с которой мы только что едва разминулись. Главный вопрос, который меня мучал – кто они? Это не таксаторы, о которых я бы знала. Мало того, как обычно, Саныч попросил бы меня их сопровождать, если бы таковые объявились в наших краях. И это точно не геологи. Во-первых, по внешнему виду это было понятно, говоря русским языком, рожей не вышли. А потом, меня настораживало их оснащение, точнее сказать, оружие. У всех были новенькие «Вепри», но какой-то другой модификации, нежели у меня. Более современной, что ли. Хотя, я могла и ошибаться. Из-за стволов деревьев трудно было разглядеть все подробности досконально.

Карабин в наше время был «удовольствием» довольно дорогим. И я знала наверняка, что геологоразведочные партии, если и снабжались оружием, то вряд ли таким, причем, у каждого человека. А еще возникал вопрос, откуда они ехали? Насколько я помнила карту и знала эту местность, до ближайшей деревни километров двести. Они что, все двести верст так на лошадях по тайге и скачут? В такое моей фантазии поверить не хватало. И тут же возникал еще один вопрос, пожалуй, самый главный. Куда они едут? Вот же, блин! Не было мне забот, так теперь еще над этим голову ломай!

За этими мыслями, я не заметила, как мы оказались на вершине горки, откуда уже можно было разглядеть скит, стоящий на слиянии ручья и реки. А на горизонте, за дальней полосой леса, из-за гор выползали сизые тучи, цветом напоминавшие синяк под глазом у хулигана на второй день после хорошей драки. Порывы ветра на вершине были сильнее, чем внизу у подножья, они доносили едва слышное ворчание надвигающейся грозы. Особо по этому поводу я волноваться не спешила. Хотя, гроза в тайге может стать для путника, которого она настигнет, настоящей катастрофой. По моим представлениям, сюда она доберется только часа через два. А я надеялась, что в это время, я уже буду достаточно далеко отсюда. Какие у меня тут особые дела? Поблагодарю старика, да сразу назад. Вряд ли он согласится ответить на все мои вопросы, а навязывать свое общество было не в моих правилах.

Мы с кобылкой продолжили спуск, а я все продолжала думать о том, кого мы встретили в тайге, да и волнение за своих мужиков у меня все же присутствовало. Перед тем как выйти на поляну перед самым скитом, я остановила Люську, и осторожно, не слезая из седла, выглянула из-за веток крайних деревьев. А ну как, медведь где-то рядом. Повод я держала крепко на случай, если придется успокаивать лошадь. Но, Люська, на удивление, я бы даже сказала, на изумление, вела себя совершенно спокойно. Значит, зверя поблизости не было. Я медленно вывела лошадь из-за укрывавших нас

деревьев, и поехала по поляне к дому. И опять, мы попали в радужное марево, которое в прошлый раз я приняла за галлюцинации усталого мозга. Но теперь-то мой мозг был в полном порядке! Не могу сказать, что я чувствовала себя абсолютно отдохнувшей, высыпаться здесь мне редко когда удавалось, но это было, практически, нормой. Я на несколько мгновений остановилась, и внимательно огляделась. Радужное марево присутствовало только в радиусе метров ста от избы, накрывая ее, словно коконом. Это было интересно и удивительно. В природе этого явления я даже не пыталась разобраться. В жизни встречая немало удивительных вещей и событий, я привыкла уже не пугаться чего-то неведомого и необъяснимого, а просто принимать это, как данность, ничего не отрицая и не утверждая, философски рассуждая так: если будет надо, я все пойму со временем. Если уж быть честной до конца, то давалось такое философское спокойствие мне довольно трудно. Но, я продолжала работу над собой, и со скрытой гордостью могла сказать, что иногда мне это удавалось вполне сносно.

На этот раз, когда мне пришлось преодолевать этот «пузырь» я почувствовала какое-то легкое и ласковое тепло, словно меня узнали и приняли, едва заметно прикоснувшись к моему сознанию. И это тоже было удивительно и, я бы даже сказала, как-то волшебно и сказочно. Люська вышагивала вполне бодро, и, как мне показалось, радостно что ли. И это тоже было весьма странно. Присутствие медведя не чувство-

валось. И я только сейчас заметила, что на крыльце сидел Один, и что-то сосредоточенно мастерил из двух деревяшек, старательно выстругивая их ножом.

При моем приближении он поднялся, и светлые завитки стружек посыпались с его коленей на землю. Я спрыгнула с лошади и поздоровалась:

– Здравствуй, Один. А где Асхат?

Его глаза, цветом похожие на остывшую в костре золу, внимательно и серьезно смотрели на меня. Он негромко ответил:

– Здравствуй, Катерина. Не волнуйся, я закрыл Асхата в кладовой при вашем приближении.

Я удивленно вскинула брови. У него должен был быть орлиный глаз, чтобы на склоне горы, по которому мы спускались, он смог бы разглядеть нас с Люськой. Тем более, что своей мастью лошадка хорошо сливалась с окружающим лесом, ее шкура здорово напоминала по цвету сосновую кору. Я ничего не спросила, но видимо недоверие и недоумение было слишком явно написано на моем лице, потому что, мужчина с легкой усмешкой пояснил:

– Я вас почувствовал еще когда вы на гору поднимались, а Асхат чуть позже. – Он говорил это так совершенно спокойно и обыденно, как будто, это было самой обычной вещью, а его слова все мне объясняли.

На самом деле, они все еще больше запутывали, и вопросов возникало все больше и больше. Я постаралась обуздать

свое любопытство, и напредила себе, для чего я приехала.

— А Прон дома? — Задала я первый пришедший мне в голову вопрос из самых безобидных.

Один, не убирая легкой насмешливости из глаз, проговорил, как мне показалось, несколько смущенно:

— Прон ушел... травы собирать.

Не знаю, почему, но я подумала, что он сейчас мне говорит неправду. Причина этой лжи мне тоже была неясна. Ведь, в конце концов, какое мне дело до того, куда ушел старик? Но мне, почему-то, было не очень приятно, что он мне лгал. Например, он мог просто сказать, что старик ушел по своим делам. В конечном счете, кто я такая, чтобы он передо мной отчитывался? Ложь я в принципе, не жаловала, а в устах Одина она меня слегка покорибила. Наверное, потому, что я по своей наивности полагала, что люди, живущие в таком месте и такой жизнью, должны быть такими же простыми и искренними, как бегущая в ручье вода. А еще, мне стало неприятно, что меня считают совсем дурой. Поэтому, я, усмехнувшись, проговорила:

— Травы перед грозой не собирают, в них силы нет...

Одина мои слова смутили окончательно, и он, глянув на меня виновато, пробурчал:

— Ты права... Не за травами он ушел.

И все. Никаких тебе объяснений или оправданий. Хотя, они мне, в общем-то, были не нужны. Мужчина прямо посмотрел мне в глаза, а у меня от его взгляда перехватило ды-

хание. Я словно стала растворяться в черноте его зрачков. Но, взгляда не отвела. Пауза слегка затянулась. Он первый опустил взгляд, а я слегка выдохнула. Вот же, черт!! Со мною подобные эмоциональные всплески от чужих взглядов случались крайне редко. Словно прохладный ветерок пробежал по моему телу, приятно холодя кожу.

Я первой нарушила молчание. Спрыгнув с лошади, смущенно улыбнулась и проговорила:

– Я вам тут гостинчиков привезла... Не побрезгуйте... – И стала распутывать плотную брезентовую стропу, которой корзина с продуктами была приторочена к седлу.

Один постоял несколько секунд, словно и я его приморозила своим взглядом, а потом, спохватившись, стал мне помогать. Движения его были неторопливы, выверены, чувствовалась недюжинная сила в его руках. Ладони у него были большие, с длинными пальцами. Такие пальцы были уместны у музыкантов. Чуть повыше, на внутренней стороне запястья был шрам, или скорее отметина, словно выжженое тавро в виде пересечения трех изогнутых линий. Заметив мой взгляд, он нахмурился и одернул рукав рубахи, а я почему-то смутилась. Вот, зараза!! О чем я вообще думаю!! Я разозлилась на себя, и, наверное, вследствие этой своей злости, тоже нахмурилась.

Мы сообща спустили корзину с продуктами и мешок, в котором были запакованы сахар и мука, и он, легко, играючи, словно этот груз ничего не весил, подхватив все, понес в дом.

На крыльце, будто опомнившись, обернулся.

— Заходи в дом. Негоже гостей на пороге держать. Чаю по-
пьем.

Я уже позабыла о том, что собиралась только отдать го-
стинцы и сразу уехать, и стала привязывать Люську к берез-
ке, стоявшей у крыльца, не забыв угостит ее при этом суха-
риком. Лошадка коротко заржала и взяла с ладони угоще-
ние мягкими горячими губами. А я торопливо поднялась на
крыльцо вслед за Одином, убеждая себя, что делаю это, по-
тому что, хочу дождаться старика Прона, чтобы лично его
поблагодарить за спасение нашего Кольки. Потом, покопав-
шись в себе, честно была вынуждена признать, что обманы-
ваю сама себя. Уж слишком много у меня вопросов было к
жильцам этого скита. И уехать, не попытавшись выяснить
хотя бы что-то, я точно не могла. А еще, с грустью подумала,
что Один мне нравится.

Глава 12

Войдя в дом, я робко остановилась у порога. Что за черт!! Да, что со мной такое?! Никогда за собой не замечала подобного! Мне казалось, что слово «робость» – это вообще не про меня. А тут... Надо ситуацию проанализировать и все хорошенько обдумать. Конечно, не сейчас. Но, заняться этим придется, чтобы найти тот самый корень, причину моих эмоций. Иначе забудется, запутается в клубок, забьется в дальний угол души, и будет потихоньку там разрастаться. А потом и голос подаст, а я и знать не буду, откуда взялась эта напасть в самый неподходящий момент. Ох, ты, Господи!! Куда это меня занесло...

Пока я переминалась с ноги на ногу, стоя у порога, и изводила себя собственной философией, Один подбросив в печь несколько поленьев, раздул огонь, и поставил на плиту старый эмалированный чайник грустного темно-зеленого цвета, с погнутым носиком. И только потом обратил внимание на мое «стояние» у порога.

– Проходи, садись за стол, сейчас чай будем пить.

Выглядел он при этом тоже как-то не очень уверенно. Видимо, чужие в их доме были не частыми гостями. А я решила брать, как говорится, быка за рога. И, забыв о своем недавнем смущении, сняла карабин с плеча и поставила его в углу. Прошла, и усевшись на лавку за стол, спросила прямо в лоб:

– Скажи, что ты делал второго дня ночью возле нашей ба-
зы?

Если у меня и были до этого кое-какие сомнения, то при виде выражения его лица, они сразу исчезли. Он слегка поморщился, словно я его застучала за каким-то неблагоприятным делом, и после минутного молчания, наверное, поняв, что отпираться бессмысленно, хмуро проговорил:

– Чужие появились в тайге, да еще в соседях. Я хотел знать, кто вы такие, и чего от вас можно ожидать.

Я хмыкнула, и ласково спросила:

– Ну и как? Узнал?

Он опять болезненно поморщился. Не иначе, как моя ласковость не пришлась ему по душе. А я подумала, что, видимо, те эмоции, которые он сейчас испытывал, были тоже не совсем привычны для него. Его чувства кидало из крайности в крайность. Потому что, он посмотрел с вызовом на меня, и проговорил:

– Узнал... Вредители леса...

Я от такой характеристики аж на лавке подпрыгнула от возмущения.

– Уж кем, кем, меня не называли, но точно не «вредителем леса»! – Весьма резко выпалила я. – Если хочешь знать, мы ведем в основном только выборочную рубку, и работают у меня люди на колесных тракторах, которые не ворошат почву и не вредят покрову так, как гусеничная техника. Через несколько месяцев после вырубки, ты даже следа на ле-

сосеке не найдешь! А, если я и делаю сплошные вырубki, то на следующий год обязательно на них сажу молодые деревья. Если хочешь знать, у меня мужики на посадке все бесплатно работают! И заметь, я никого это делать не заставляю, сами решение принимают! А если я быю зверя на охоте, то не ради развлечения, а ради пищи, и не более, чем нам необходимо! Пятьдесят мужиков тоже прокормить надо! Так что, кем, кем, а уж «вредителем леса» меня назвать трудно!! – Запальчиво повторила я фразу, с которой начала свою гневную речь.

И только наткнувшись на его удивленный взгляд, я поняла, что разошлась не на шутку, и, скажем так, не совсем по делу. Как в народе говорят, как холодный самовар. С посторонним человеком так себя точно не ведут. А еще, было похоже, что я перед ним оправдываюсь. С чего бы вдруг? И от этого пригорюнилась еще больше. Что же это получается, мне, оказывается не все равно, что он обо мне подумает? Вот же глупость какая! Никогда такого не было, чтобы меня интересовало мнение обо мне окружающих. Я резко замолчала, словно выпустила пар, угрюмо глянула на Одина и буркнула: – Извини...

Хотя, если бы кто меня спросил в тот момент, за что я извиняюсь, ответить я бы вряд ли смогла. Удивление в его глазах разозлило меня еще больше. Я встала с лавки, и уже спокойнее произнесла:

– Я, наверное, лучше поеду. А то вон, – я кивнула на ок-

но, – скоро гроза начнется. Передай пожалуйста Прону мою благодарность за помощь. И если что понадобится, обращай-
тесь в любое время. Чем смогу, помогу.

Уже стоя в дверях, я проронила:

– Кстати, насчет чужаков. Когда я ехала к вам, то по дороге увидела странную группу людей. Совершенно непонятно, что они забыли в наших краях.

Я уже взялась за ручку двери, когда Один меня остановил.

– Постой...! Тебе не стоит сейчас уезжать. Гроза совсем близко. Ты не успеешь добраться до дому, накроет. А гроза будет сильной. – Потом, улыбнувшись одними уголками губ, добавил. – Да, и чайник уже закипел.

Я с сомнением посмотрела на него, пытаюсь понять, уж не издевается ли он надо мной. Но, он смотрел прямо и открыто, и в его глазах был скорее вопрос, чем какая-либо насмешка. Я нерешительно замерла у двери, опять злясь на себя. Ты или уже иди, раз собралась уходить, или сядь за стол и успокойся! Собственное поведение меня раздражало до невозможности, тем более что объяснить я его себе совсем не могла. По крайней мере, пока. Я уже совсем было собралась уйти, но подумала, что так ничего и не узнала от Одина, а узнать следовало. Неизвестно, когда еще предоставится такой случай задать ему вопросы.

Все еще злясь на свое глупое и взбалмошное поведение, я опять уселась на лавку и усердно принялась разглядывать столешницу. Один (спасибо ему за это) отвернулся к печи,

занимаясь приготовлением чая, что позволило мне взять себя в руки и привести немного мысли в порядок. И, со свойственной мне прямоотой, отбросив всякие церемонии, я задала вопрос, который давно хотела:

– Скажи, а что это за радужное марево, которое словно окутывает ваш дом?

Я увидела, как напряглась спина Одина. Он распрямился и замер возле печи, а потом медленно повернулся. В глазах его было безмерное удивление, если не сказать, что какой-то испуг. И он, вместо ответа, спросил почти шепотом:

– Ты это видишь???

Я слегка растерялась от его реакции, и наверное, поэтому тоже спросила:

– А разве это так незаметно? – Потом, быстро поправились. – Я хотела спросить, а что, его не все видят?

Он, забыв про то, что начал заваривать чай, и про кипящий на плите чайник, на котором уже начала подпрыгивать крышка, подошел, сел напротив меня за столом, и принялся разглядывать меня с каким-то удивленным вниманием. Я спокойно выдержала его взгляд, все еще ожидая ответа на свой вопрос. А Один заговорил тихим голосом, будто обращаясь к самому себе.

– Да, Турал¹⁰ оказался прав. Как причудливы узоры судьбы... – Потом, словно опомнившись, проговорил медленно. – Это защита, которая видна не всем. И не каждый может

---

¹⁰ Турал – Свет, огонь с тюркского

ее преодолеть. Если человек приходит с открытым сердцем и чистыми помыслами, он ничего не замечает. А вот, если... Он видит серую туманную дымку, мешающую ему смотреть. Начинает махать руками, пытаясь ее отогнать. И это для нас, как сигнал. Мы сразу понимаем, кто к нам пришел. Но, на моей памяти из таких был только один человек, и то не из здешних мест, пришлый... – Он не стал уточнять, что это был за человек и откуда он тут «пришлый» взялся. Хотя, мне очень было бы любопытно послушать об этом. Один замолчал задумавшись, стараясь, как видно, подобрать слова. – Защита зримой радугой становится только для тех, кого принимает это место. А за все время, что я здесь живу, я таких еще не встречал.

Я похлопала на него глазами. Для меня все сказанное им показалось какой-то абракадаброй. А самое главное, вопросов только прибавилось. Но, как известно, чтобы получить правильный ответ, нужно задать правильный вопрос. А у меня в голове была каша, примерно из одних междометий и отдельных слов, и сформулировать этот самый правильный вопрос никак не получалось. Что еще за диковинная защита? В каком это смысле? От кого? И вообще, кто такой этот Турал, о котором я и слыхом не слыхивала? Нужно было немного времени, чтобы все как следует обдумать. Один, увидев, что я впала в некую задумчивость, вспомнил про чай. Он поспешно поднялся, убрал чайник с плиты, залил кипятком приготовленные травы, и принялся накрывать на стол. Две

чашки, наполненные ароматным настоем из летних трав, нарезанный большими ломтями хлеб, по-видимому, выпеченный здесь, в этой печке, и глиняная мисочка с, истекающими медом, пчелиными сотами. Вот и все нехитрое угощение. От чашек шел горячий пар. Один, по-видимому, решил переключить меня на другую тему, потому что спросил:

– Ты говорила о чужаках. Расскажи подробнее, что за люди.

Я едва пожала плечами.

– Да я и сама толком не поняла. Ни таксаторы, ни геологи, ни охотники. Для охоты на серьезного зверя еще рано. А оружие, которое было при них, именно для серьезной охоты и предназначено. Пять человек на лошадях, хорошо оснащены для длительного пребывания в тайге. С ними проводник, что само по себе наводит на определенные размышления. Да, и на туристов тоже не похожи. И совсем непонятно, что они в наших краях забыли. Ехали в сторону деревни. – Я замолчала, не зная, как еще могу описать виденных мною людей.

А Один глубоко задумался. По лицу было заметно, как сильно его беспокоила моя информация. Да, и чего уж лукавить! Я с того момента, как только увидела этих пришлых, сама испытывала какое-то чувство тревоги, истоки которой до сих пор не могла обнаружить. Наверное, поэтому, я с преувеличенным оптимизмом добавила.

– Как только вернусь на базу, сразу съезжу в лесничество и у Саныча все узнаю. В деревне без него и мышь не проско-

чит, и петухи не закукарекают.

Но мои слова мужчину не очень успокоили. Он просто кивнул головой в знак согласия, и опять о чем-то задумался, вертя в руках свою чашку с чаем. И, судя по всему, мысли у него были беспокойные. Чтобы как-то отвлечься от все возрастающей тревоги, я взяла осторожно большую чашку, кстати, вполне себе цивильную, фарфоровую с золотой каемкой по самому краю, и сделала маленький глоток. Вкус напитка был потрясающим. Я смогла определить только душицу и кипрей, но скорее всего, там еще были молодые еловые побеги, которые придавали вкусу едва заметную горечь и терпкость.

Только я открыла рот, чтобы выразить свой восторг от вкуса чая, как на улице грянул раскат грома, да такой, что вся изба затряслась, и тут же сразу громко, с каким-то несвойственным лошадям подвизгиванием, заржала Люська. Я сорвалась из-за стола, чуть не опрокинув на себя кипяток из кружки, схватила карабин и выскочила на улицу. Небо над головой потемнело, туч из сизых превратились в иссиня-черные, как крыло ворона, ветер пригибал верхушки деревьев, травы полегли на землю под его свирепыми напорами. С каким-то человеческим стоном, в котором была слышна смертная мука, огромная ель на опушке повалилась на землю, выворачивая корень. Люська металась возле березки, стараясь сорваться с привязи. Преодолевая сильные порывы ветра, я устремилась к лошади, чтобы ее хоть немного успокоить.

Но, кобыла словно обезумела. Она вставала на дыбы и билась по воздуху передними копытами, не давая к ней подступиться. Внезапно рядом появился Один, и вытянув вперед руку небольшими шагами направился прямо к разъяренной лошади издавая какой-то замысловатый свист. Люська перестала дыбиться и опустила на землю копыта, продолжая бешено вращать глазами. С ее морды свисала клочьями пена, она вздрагивала всей шкурой. Но, когда руки мужчины коснулись ее морды, стала быстро успокаиваться, и только продолжала громко всхрапывать.

Один обернулся ко мне, и громко произнес:

— Ее надо увести под навес с другой стороны дома. Сейчас начнется ливень...

Я согласно кивнула, очень впечатленная тем, как он успокоил лошадь. Подошла к Люське и принялась ее гладить по морде, приговаривая:

— Бедная моя девочка... Напугалась грозы... Ничего, милая, потерпи. Скоро все пройдет, и мы поедем домой. Сейчас отведем тебя под навес. Там тебя гроза не достанет...

Один отвязал повод, крепко зажав его в кулаке, и повел лошадку к другой стороне дома, где был сколочен навес для дров. По летнему времени, дров было совсем мало, так что, для Люськи места там было вполне достаточно. Он привязал лошадку за большое металлическое кольцо, вбитое прямо в стену, и вопросительно посмотрел на меня. Я, отвечая на его немой вопрос, помотала головой:

– Я останусь с лошадей. Гроза только началась. Ей будет здесь одной страшно.

Он спокойно кивнул, словно ожидая от меня такого ответа, и присел на большую чурку, стоявшую неподалеку. И в этот момент, раздался сильный треск разряда. Где-то совсем рядом, сразу несколько огненных изломанных струй ударили в землю, а через секунду прогремел, словно выстрел из огромной пушки, гром, раскатисто и грозно, сотрясая землю. И на тайгу сплошным потоком обрушился ливень. Я крепко обняла лошадь за шею, глядя из-под навеса на это буйство природы, вдыхая влажный, напитанный озоном воздух. Мне хотелось кричать, выскочить наружу, и подставить лицо под эти хлесткие водные струи, напиться ими, как родниковой водой напивается путник в жаркий день, впитать в себя эту ярость небесного боя. Мне казалось, что если я сейчас этого не сделаю, то переполняющая мое тело энергия просто разорвет меня на части. Я прокричала, стараясь пробиться сквозь вой и грохот бури, обращаясь к Одину:

– Ты присмотришь за ней?

Он кивнул, с удивлением глядя на меня. Но его удивление быстро сменила тревога, когда он увидел, как я скидываю с себя камуфлированную куртку, и быстро стягиваю с ног ботинки. Не иначе, он решил, что у меня что-то неладно с головой. А мне было все равно, что он подумает обо мне в этот момент. Для меня перестал существовать весь окружающий мир. Для меня в данный момент существовала толь-

ко эта гроза, как некая часть моей сущности, с которой я должна была воссоединиться. Я вылетела из-под навеса, и закружилась, подняв руки и лицо к обезумевшему небу, словно стараясь объять, впитать в себя эту веселящую ярость. И гроза ответила мне новой вспышкой молнии, которая, казалось, прошла прямо через меня. Было ощущение, что я поднялась над тайгой в недостижимые высоты, где рядом со мной не было никого, только яростные вспышки молний, хлещущие струи воды, да оглушающие раскаты грома.

Глава 13

Гроза затихала, откатываясь за гору, урча, словно недовольный медведь, забирающийся в свою берлогу поздней осенью. Я была мокрой насквозь, до последней нитки, но меня это нисколько не волновало. Один продолжал на меня смотреть заворуженно, и удивление сменилось на его лице недоумением, словно меня здесь вообще быть не должно, а я вот она, стою перед ним невесть откуда свалившаяся на его голову. Честно говоря, мне было совсем безразлично, что он думал обо мне в эти минуты. Я подошла к лошади, собираясь ее отвязать от металлического кольца, к которому она была привязана. И только когда я стала выводить Люську из-под навеса, он опомнился.

– Ты куда собралась?

Я изобразила бездну удивления на своем лице.

– Домой, конечно...

Он понял, что не совсем верно выбрал тон, да и сам вопрос тоже, и постарался поправиться.

– Я хотел сказать, что ты насквозь промокла. Тебе нужно обсохнуть и выпить горячего чая. А еще, я хотел познакомиться твою лошадку с Асхатом. Тогда мне не придется запира́ть его каждый раз, когда ты будешь приезжать сюда. – Он опять смутился, и добавил. – Я хотел сказать, что ты ведь будешь еще сюда приезжать. Мало ли что...

Похоже, он окончательно запутался в своих словах, и смущенно замолчал. Думаю, такое смущение было ему не свойственно. И вообще, я должна была констатировать, что с нами творилось что-то не совсем понятное. Мы словно перестали быть взрослыми людьми, а превратились в детей. Как будто, за нашими плечами не было груза прожитых лет, сложившихся характеров, непростых отношений, и тяжелых потерь. И это было так удивительно, странно и чудесно одновременно, что просто сбивало нас обоих с толку. Наши чувства и эмоции были настолько схожими, что можно было просто диву даваться. Нет, надо быстрее делать отсюда ноги. Да и работу мою никто за меня не сделает. К тому же, я еще хотела съездить сегодня в деревню, узнать, что за люди в наших местах объявились. Поэтому, я отрицательно покачала головой.

– Спасибо, конечно, но лучше я поеду. Сейчас лето, тепло, так что, высохну я быстро. А с Асхатом Люська и в следующий раз познакомиться может. – И я добавила с улыбкой, повторяя его фразу. – Мало ли что... У меня дел еще много. Спасибо за гостеприимство, и передай мою благодарность Прону. Как я уже сказала, если, что-то вам потребуется, то я всегда буду готова помочь, чем только смогу.

Я вывела кобылку из-под навеса, вскочила в седло, помахав на прощание Одину, толкнула пятками бока лошади, и, не оглядываясь, поскакала к кромке леса, откуда вела тропинка в сторону базы. Всю дорогу я размышляла над тем,

что говорил Один. По чести признаться, не так уж и много он сказал, но загадок прибавилось, и я твердо намеревалась найти на них ответ.

На базе меня встретил встревоженный Василич. Не успела я слезть с лошади, как он принялся кудахтать вокруг меня.

– Мать, ну где тебя носит?! Тут такая гроза прошла, что я думал, наши домушки в реку унесет. Но, слава тебе, Господи, обошлось. Я теперь думаю, как там мужики на делянах, ведь ветер был шквальный!

Я усмехнулась.

– Василич, наши мужики не первый день в тайге. У них там есть вагончики, где можно переждать грозу. Не думаешь же ты, что они в такую погоду валкой леса занимались? Все нормально должно быть. Ты лучше Люську расседлай, да овса ей выдай. А мне в лесничество надо.

Моя нянька-завхоз всплеснул руками, как негодующая бабка в деревне, которой предложили что-то в высшей степени неразумное.

– А обед как же? Я супчика сварил, ушицы то есть. Колька на рыбалку сходил, лещиков приволок. Да, ты вон, вся промокла. Не успела приехать, и сразу опять уезжаешь?! Сначала похлебай горяченького, а иначе никуда не пущу! – И он, решительно уперев руки в боки, насупив брови, уставился на меня.

Угрозы его носили вполне риторический характер. И он и я прекрасно знали, что «не пустить» меня он никак не смо-

жет. Но, волновать старика я тоже не хотела. Заботился он обо мне вполне искренне. Я согласно кивнула головой.

– Хорошо, давай свой супчик, а я пока переоденусь в сухое. – И, вручив ему поводья, направилась в свою домушку.

Через несколько минут я уже сидела за столом под навесом, а передо мной стояла миска ароматной горячей ухи. И только сейчас я почувствовала, как сильно проголодалась. Люська была в надежных Колькиных руках. Василич не особо умел управляться с лошадьми, и передал заботу о кобылке в знающие руки нашего молодого сучкоруба. В отличие от Василича, Колька был деревенским, и прекрасно знал, как нужно обходиться с лошадьми. Я хлебала уху, и между ложками, расспрашивала Василича.

– Скажи-ка мне, пожалуйста, тут никто из чужих не появлялся?

Василич уставился на меня удивленными глазами и широко открыв рот. Я с улыбкой смотрела на старого прохвоста. Поняв, что больше ничего говорить я была не намерена он, чуть заикаясь, произнес:

– А ты как ...это... узнала-то?

Положив ложку в пустую миску, и отхлебнув воды из стакана, я усмехнулась, и назидательно проговорила:

– Василич, сколько раз тебе было говорено, что для меня в тайге секретов нет. Тут вести быстро разносятся. Так, были гости или нет?

Он вздохнул тяжело, почесал затылок, и, наконец, отве-

тил:

— Были тут какие-то... Кто такие, я не разобрал. На конях из леса приехали. Говорят, можно у вас тут лошадей напоим. А я им отвечаю, что, отчего ж, нельзя, конечно, можно. Речка-то, она же общая. У них двое пошли коней поить, а эти тут вот, где ты сейчас сидишь, уселись, и спрашивать стали. Кто такие мы, да давно ли стоим тут. А я им, так, мол, и так, заготовители, стоим уж вторую неделю. Как я им про вторую неделю-то сказал, чувствую, интерес они ко мне утратили. А сами глазами так и шарят, так и шарят по нашей базе. А один-то, видать, старший спрашивает, мол, наверное, народу у вас тут много живет, вон, говорит, сколько домиков. Мне они шибко не понравились. Даже и не знаю почему. Поэтому, я им ничего рассказывать и не стал. Говорю, мол, сколько надо, столь и проживает, и никому никакого дела до этого нету. Не понравился им мой ответ, нахмурились, а потом, этот же мужик опять спрашивает. Мол, не видали ли вы чего тут необычного, странного. Я на него шары выпучил, говорю, как не видали, видали. Что ни день, то необычное видим. А они все так в меня и вцепились. Чего, говорят, видали-то, рассказывай. А я им, у нас мать каждый день из родника ледяной водой обливается, по два ведра зараз на голову выливает, и в дождь, и в снег, разве ж это обычно? А еще говорю, вон, у нас сучкоруб чуть пол ноги себе топором не оттяпал, тоже, необычно. У нас тут что ни день, то все что-нибудь необычное случается. Вон, третьего дня Петро чуть без со-

лярки в деляну не уехал. Тоже, для него не совсем обычно. А вам, чего надо-то, люди добрые, спрашиваю? А они на меня рукой махнули, и один другому говорит. Мол, чего тут с тупым мужиком разговаривать, надо, мол, в деревню, ехать, там все и узнавать. А это, который старшой, морду так свою презрительно скривил, и отвечает, что, мол, они в деревне там тоже такие же все тупые. Прикинь, мать, это он про меня так сказал. Мол, тупой мужик. – И Василич расплылся в довольной улыбке.

А я не выдержала и расхохоталась.

– Ну, Василич, ну, силен ты, людям мозги запаривать!! Молодец!! Хвалю!!

У завхоза улыбка стала еще шире, обнажив остатки коренных зубов во рту. А я подумала, что всякие снобы недооценивают у нас простых людей. Может быть, как говорит опять все тот же Василич, академиев они не кончали, но в остром уме, природной смекалке и широкой душе им не откажешь. На самом деле, это и есть главное в человеке. И перефразируя английскую пословицу, скажу так: необразованного человека со светлой душой можно «образовать», а вот из образованного сноба сделать душевного человека нельзя. Лично мне нравится первый вариант. Тайга заставляет взглянуть на жизнь безо всяких розовых, голубых или желтых очков. Здесь ценятся только реальные вещи, которые смогут тебе помочь выжить, понять, чего ты стоишь на самом деле, стать самим собой, а не тем, кем принято, модно или престижно.

И в конечном счете, понять, что это вообще такое – человек.

Об этом я думала всю дорогу, пока ехала на УАЗике в деревню. А еще, пыталась бороться с тревогой, которая, пробралась в сердце сначала похожая на пушистый клубок, а теперь стала расправлять свои колючки, оказавшись ежом. Саныча я застала в лесничестве, когда он уже собирался уходить. Увидев меня, поздоровался и спросил:

– Катерина Юрьевна, тебе чего? По делу, или так, в гости заскочила?

Я усмехнулась.

– Ты же знаешь, нет у меня времени по гостям ездить. Да, и что толку к тебе в гости ездить. Толи дело, когда ты ко мне. У меня и банька, и щука копченая под пиво, и лишних ушей и глаз при этом нет. Красота...!!

Саныч хмыкнул.

– Ты что ль в гости меня зовешь?

Я пожала плечами.

– Саныч, ты же знаешь, я всегда рада гостям, особенно тебе.

Лесничий не показал вида, но, чувствовалось, что остался довольным.

– Так, зачем пожаловала? – Ему самому вопрос показался немного грубоватым, и он проговорил извиняющимся тоном. – Кать, ты прости, мне ехать надо. А еще домой заскочить, переодеться. Начальство в лесхоз вызвало на ночь глядя не пойми зачем. Так что, давай по быстренькому. Сроч-

ное что-то?

Я торопливо заговорила.

– Саныч, давай я тебя до дома довезу, а по дороге и поговорим.

Саныч кивнул, закрыл свой кабинет на ключ и, вслед за мной, направился к выходу. Чтобы не терять зря времени, я заговорила на ходу.

– Я, собственно, хотела попросить тебя откомандировать, так сказать, Люську ко мне на более длительный период.

Он остановился около машины и уставился на меня круглыми глазами.

– Какую еще Люську? Мать, ты что, заговариваться начала? Повариха что ль нужна? Так я таких здесь и не знаю...

Я звонко рассмеялась.

– Саныч, Люська – это кобыла, которую я взяла на твоей конюшне. Брала-то я на несколько дней. А вот теперь прошу тебя оставить ее за мной на все время, пока я тут в ваших краях работаю. Ну как, договоримся?

Саныч с облегчением выдохнул и полез в УАЗик.

– Фу ты, Господи!! А я уж подумал, что у тебя что с Василичем случилось и ты повара ищешь! А кобылу, конечно, бери. Она у меня до осени все равно без дела простаивать будет. Документы я позже оформлю, чтобы все чин чином было. Да, Юрьевна, лошадь в лесу она всегда пригодится!!

Я завела машину и развернувшись, поехала на край деревни, где стоял дом лесничего. И, стараясь, чтобы это вы-

глядело не очень заинтересовано с моей стороны, заговорила о главной причине, по которой прилетела в деревню.

– Слушай, у меня сегодня какие-то чужаки объявились. Собирались сюда, в Черемухово. Не заезжали к тебе? Интересные ребята. Сам знаешь, в тайге все, как на ладони. А эти какие-то странные. Из города что ли приехали?

Я делала вид, что внимательно смотрю на дорогу. А сама замерла в ожидании его ответа. Саныч поправил очки на носу и пробурчал:

– Ездят тут всякие, как будто, без них хлопот мало. Приезжали тут, с бумагой от управления, мол, оказать всяческое содействие и прочее. Согласен, странные они какие-то. Говорят, ведут исследования всяких аномальных мест. А я им отвечаю, что нет у нас тут никаких аномальных мест. Самое аномальное место у нас в деревне – это пилорама. Не место, а Бермудский треугольник какой-то. Сколько пил не дай, через неделю все запорют! Они на меня глаза вылупили, с презрением смотрят. Тоже мне, ученые, блин! Видали мы таких «ученых»! Тут люди работают, а не глупостями занимаются. Старший их, по фамилии Панкратов, скользкий такой, сразу мне эту бумажку из управы в нос тык, мол, велено вам оказывать нам всяческое содействие. Ну, я им и оказал это самое содействие. Определил на постой к бабке Лукахихе. У нее дом большой, внуки -то из города приезжать перестали. Так что, ей подспорье будет какое-никакое. Хотя, думаю, она от этих квартирантов помощи, конечно, не дождетсЯ, так хоть,

какую копеечку заработает. За постой они вроде бы неплохо обещали заплатить. Опять же, молочко там, или с огорода чего им продаст, все бабке легче будет.

Про Лукачиху я и без Саныча знала все. Одно время она нам хлеб пекла, пока свою печь не наладили, да и молоко иногда у нее покупала. А вот про изучающих аномальные зоны мне было послушать интересно. И я спросила:

– Так, Саныч, я чего-то не поняла. Они что, теперь тут по тайге начнут шастать, зоны эти самые искать?

К этому времени, мы подъехали к его дому. Я остановилась у ворот, покрашенных в ярко-синий цвет, а Саныч уже открыл дверь, собираясь выходить, но тут, задержался, посмотрел на меня серьезно, и проговорил:

– Это ж, яшень пень, им нужен Медвежий Яр. Я им ничего про него не рассказал, но, начнут сейчас по деревне шастать, и кто-нибудь из наших обязательно проболтается. И, помяни мое слово, добром это не кончится. Лес он шума и суеты не любит, а тем более такой лес, как наш. – Закончил он со значением глядя на меня.

Саныч вышел из машины, попрощавшись, а я сидела, положив руки на руль и смотрела в одну точку. Казалось бы, чего это я распереживалась так? Ну приехали люди исследовать аномальные зоны, вон, даже бумажку с управления привезли, значит серьезные люди, подготовленные, не абы как. Ну, и пускай себе с Богом, как говорится, занимаются своими делами, я -то тут при чем? Но, что-то свербело у меня

внутри, не давало успокоиться. И тот самый клубочек тревоги, который сначала был мягким, вдруг стал выпускать ежовые иголки. Мне внезапно пришло в голову, а не съездить ли мне за свежим молочком к бабушке Лукачихе? А то я что-то давно своих мужичков молочком не баловала.

Глава 14

Дом бабки Лукачихи стоял недалеко от конторы лесничества. Большой дом, когда-то справный и полный жизни, срубленный на совесть из звонких сосновых бревен, теперь выглядел, как брошенный старик, которому осталось только дожить свой век. Голубая краска на наличниках облупилась, воротца покосились. Но, во дворе и палисаднике царил образцовый порядок. Георгины цвели на положенном им месте, и куст сирени у крыльца тоже радовал глаза по весне обильным цветением.

Звали бабульку Феодосия Аникеевна, и была она из местных. Тут родилась и выросла, тут и замуж за местного лесника вышла по фамилии Лукачин. И никто уж ее после никак по-другому не называл, кроме как Лукачиха, словно и имени-то у нее другого никогда и не было. Они родили семерых детей, двое из которых умерли в младенческом возрасте, и осталось пятеро. Большая семья, требующая неустанной заботы и внимания. Сам-то лесник был мужичком неказистым, но уж больно хозяйственным, пил умеренно и в жене души не чаял. А Феодосия в молодости была девкой видной, статной, с тугой черной косой чуть не до пят, с яркими, словно вишни, смешливыми карими глазами, про таких говорили, кровь с молоком. Хозяйство было крепким, а дом – полная чаша, лучше и пожелать нельзя. В общем, жили не тужили.

Потом дети выросли, разъехались, Лукачин помер, не то от воспаления легких, не то еще от какого недуга. А Феодосия осталась тут свой век доживать. Хотя, дети ее в город звали, бабулька наотрез отказалась от родных могил уезжать. Характером она была уж больно строга, ее слово в семье всегда последним было. Степенна была, несуетлива и деловита, с деревенскими бабами на завалинке не сиживала и языком без дела не мела. Правду-матку людям в лицо резала, невзирая на чины и звания. Не всем это нравилось. Ее слово в деревне почиталось, как приговор Верховного Суда. Да и сейчас еще, в деревне с ней побаивались связываться по этой же причине. А ну как про себя что услышат не лицеприятное. Кому ж такое охота?

Я, когда приехала работать в эти места, мужа ее уже не застала. А вот с бабулькой познакомилась очень быстро. Вкуснее и пышнее хлеба, чем у нее, во всей деревне было не сыскать. Ко мне она сначала отнеслась весьма настороженно. И то правда, чего бы это бабе в тайге делать, да еще и мужиками командовать. Но, со временем, у нас отношения наладились. Я неизменно и торжественно называла ее по имени-отчеству, Феодосией Аникеевной, что и пробило первую брешь в наших отношениях. Деревенские никто уж так к ней и не обращался, давно позабыв и имя, и отчество старой женщины. Я ей помогала, чем могла. Иногда мужиков своих просила грядки ей вскопать или там забор починить. А она нам хлеб выпекала, на хмелю заквашенный, и Василича моего

обучила, за что мы всем нашим коллективом были ей благодарны до безмерности. Так и стали жить помаленечку.

Вот я и решила, что мое посещение бабули будет вполне уместным, и порулила в сторону ее дома. Рядом с домом на коновязи лошадей было не видно. Или уехали «гости» куда, или, что вернее, во дворе поставили. Притормозила у ворот и заглушила двигатель. Вышла из машины, и привычным жестом нащупала щеколду на калитке, прилаженную изнутри. Только собралась подниматься на крыльцо, но увидела в огороде, как мелькает белый ситцевый, в черный мелкий горошек, платок бабули, и направилась прямо туда. Феодосия Аникеевна собирала на грядках огурца. Два ведра уже стояли в сторонке наполненные до самого верху небольшими тугими пупырчатыми огурчиками. Чтобы не напугать старушку, я прокричала издали:

– Здравствуй, Феодосия Аникеевна!! Урожай собираешь? – Задала я очевидный, но необходимый в данной ситуации вопрос.

Бабулька распрямилась, и сделав руку козырьком, ждала, когда я подойду поближе.

– Здравствуй, Катерина. Да вот, выросли, проклятые, уже третью кадушку солю, а есть кто будет, не знаю. Дети за огурцами уж точно, не явятся. – Произнесла она, и в голосе я услышала легкую горечь.

Старушку стало жаль. Нелегко это, должно быть, вырастить пятерых детей, и доживать старость в одиночестве. Я

постаралась ее утешить.

– Феодосия Аникеевна, да ты не волнуйся. Одну бочку, считай уже пристроила. Мои орлы все схомячат за зиму, да еще и добавки попросят. – Я пыталась говорить веселым легким тоном.

Бабуля глянула на меня с усмешкой, верно оценивая мое неуклюжее стремление ее успокоить и утешить. Седая прядь выбилась у нее из-под платка. Она ее старательно заправила назад, и закивала головой.

– Спасибо тебе, Катерина. Добрая ты баба. Может хочешь свежих огурчиков?

Я улыбнулась.

– Кто ж в здравом уме от твоих огурчиков откажется? Хоть соленых, хоть свежих...

Старушка наклонилась над грядкой, выискивая среди густых шершавых листьев очередной огурец, сорвала и кинула его мне. Я на лету поймала и с удовольствием захрустела сочным упругим овощем.

– Ой хорош!! Не огурец – чистый мед!!

Дожевала огурчик, потом подхватила оба ведра до самого верху наполненных огурцами, и понесла их к крыльцу дома. Вскоре там появилась Феодосия Аникеевна, неся в охапке длинные перья зеленого лука, вырванные вместе с белыми тугими головками корней, и большой пучок укропа. Положила это счастье поверх огурцов, распрямилась, вытерла тыльной стороной ладони потный лоб, и торжественно про-

говорила:

– Забирай все, порадуй своих мужиков витаминами. А у меня еще нарастут. – И грузно села на ступеньку деревянного крыльца, покрытую цветастым кружком домотканого половичка. Ее карие, глубоко-посаженные глаза под едва заметными, выцветшими на солнце, бровями, смотрели на меня внимательно и пытливо.

– А ты что, в гости решила заглянуть, или по делу?

А у меня опять мелькнуло в голове: «дело пытаешь, аль от дела лытаешь?». Как видно, за прошедшие столетия мало что изменилось на нашей земле. И меня это, почему-то порадовало. Врать бабке страсть, как не хотелось, но и правду сказать не могла. Поэтому начала смущенно мямлить.

– Да я молочка у тебя хотела прикупить. Давно нас Василий блинами не баловал.

Феодосия Аникеевна все продолжала глядеть на меня, словно намереваясь проникнуть в самую глубину моих мыслей. Полное лицо ее с сеткой морщинок, было серьезно, будто она решала некую проблему. Потом покачала тихонько головой, видно отвечая на свои какие-то мысли, и проворчала.

– Так для блинов яйца нужны, масло и сметана еще. Иначе, какие это будут блины? Ладно, пошли в избу, чего тут комаров кормить. – С кряхтением поднялась с крыльца и направилась в дом.

Я покорно потрусилась за ней. Да, думаю, обмануть старушку у меня вряд ли получится, на несколько метров вглубь

земли видит. Старые люди, прожившие нелегкую жизнь на земле, не утрачивают своей связи с ней. Поэтому и видят души человеческие почти насквозь, читают прямо в сердце. И утаить от них что-либо бывает очень трудно. Но, отступить было уже поздно. Да и, не могла же я просто вот так взять и уехать, не добыв ничего, кроме огурцов! Так что, придется теперь идти уже до конца, как говорится. А потом, у меня была надежда, что бабулька не поведает всей деревне истинную причину моего визита.

Внутри дома все было как во многих деревенских домах. Печь посередине большой комнаты, домотканые дорожки на деревянном полу, на стене в рамках старые, чуть пожелтевшие фотографии, часы ходики над столом между двух окон, одна маленькая спальенка и коридорчик, который вел на другую, более большую половину дома. Вход в ту часть дома был отдельный. А в этой, маленькой жила когда-то свекровь старушки. Как я и думала, именно большую половину дома и заселили приезжие гости. Феодосия Аникеевна принялась хлопотать, желая угостить меня чем-нибудь вкусненьким, а я вяло отбивалась.

– Спасибо, я не голодна. Меня Василич ухой накормил... Да не хлопочи ты так. Я ненадолго...

Но хозяйка не обращала на мои жалкие протесты никакого внимания. Наконец, она накрыла на стол и села вместе со мной. Сделав приглашающий жест отведать что, как говорится, Бог послал, бабуля уставилась на меня внимательным

взглядом и проговорила:

– Ну, что, рассказывай...

Я попыталась увильнуть и прикинуться дурочкой.

– А чего рассказывать то? У меня все по-прежнему, работаем потихоньку. У меня сучкоруб молодой чуть ногу себе не откромсал топором, но вроде, все обошлось. А так, у меня ничего нового и не случилось.

Старушка усмехнулась и покачала головой.

– Ох, Катерина, мала ты еще со мной тягаться... Говори, зачем приехала, только не вздумай врать, что за молоком. Все равно, не поверю. Небось, хотела узнать, что за гости у меня появились? – И она покосилась в сторону коридорчика, из которого дверь вела на ту, другую половину.

Я вытаращила на нее глаза, похлопала удивленно ресницами, и выдохнула:

– Ну ты, Феодосия Аникеевна даешь!! Тебе бы будущее предсказывать, да людям на картах гадать с такой-то проницательностью.

Хозяйка на меня рукой махнула:

– Ты мне зубы-то не заговаривай, говори, коли пришла. Права я, аль нет?

Я тяжело вздохнула. Придется «сдаваться», ничего не напишешь.

– Да, права ты, во всем права. – Начала я покаянно. – Гости меня твои интересуют. Что за люди?

Бабулька закивала головой, и пожевав губами ответила:

– Да, как тебе сказать? Люди, вроде, как люди. С двумя руками, и двумя ногами, голова, вроде, тоже на месте. Городские, одним словом.

Я с легким недоумением посмотрела на нее.

– Ты чего-то темнишь, недоговариваешь. Я ведь тебя знаю. У тебя глаз, как у орла! – И тут же поправилась. – Ну, как у орлицы, я хотела сказать. От тебя ничего не скроешь. Говори толком. Что значит «городские»? Я можно сказать, тоже «городская».

Старушка глянул на меня с прищуром:

– Какая ты к лешему «городская»?! Ты, почитай, уже наша, черемуховская. Сколь годков тебя уж знаем. И люди тебя уважают, и ты к людям с уважением. Не-е-е, милая, даже и не думай. А вот ОНИ... – Бабка перешла на таинственный шепот. – Они нашими никогда не станут. Потому как, нас деревенских за людей не считают. И уважения в них нет ни к людям, ни к земле. Думают, что шибко хитрые, а не понимают того, что вся ихняя хитрость вот она, тут! – Она вытянула ладошку и похлопала по ней другой рукой, изображая, где все «ихние» хитрости. – Говорят, что ан... ин..., тьфу, ты!! Ну в общем, чудные разные места изучают, потоки там какие-то, или еще чего, я толком не поняла. Да и ни к чему мне эти премудрости. А вот, то, что они сюда не просто так явились, мне понятно. И ищут они вовсе не какие-то там потоки, ищут они что-то вполне себе определенное, и замыслы у них нехорошие. Вот помани мое слово, добром это не кон-

чится! – Совсем, как недавно Саныч, закончила она.

Я задумалась. Все даже хуже, чем я думала. Хотя, было не совсем понятно, что конкретное они ищут, но тревога уже прочно угнездилась внутри и сейчас топорщила свои иголки нисколько не стараясь притвориться «мягким и пушистым» клубочком. А Феодосия Аникеевна спохватилась:

– Что ж ты, Катерина, и не ешь ничего? Попробуй вон пирожка со щавелем. Только вчера вечером испекла.

Я, чтобы не обидеть хозяйку, взяла пышный, румяный пирожок с тарелки и принялась его жевать. Пирог был вкусный, но в горло мне не лез. Я кое-как его сжевала, запила уже остывшим чаем из кружки, похвалила с избытком торговца золотые руки бабульки, и засобиравшись домой, сославшись на дела. Старушка стала хлопотать, доставать из холодильника молоко, масло, сметану, яйца, в общем все, что положено для блинов. Я с опозданием вспомнила, что денег с собой не взяла, на что Феодосия Аникеевна, махнула рукой.

– Ты мне еще до весеннего паводка три мешка муки приперла и мешок сахару, а денег не взяла. Так что, угощайтесь на здоровье. Свои люди, сочтемся. Да, и теперича я богатая! Квартиранты то за постой деньжищ отвалили, что две моих пенсии. А еще сказали, что будут у меня продукты покупать. Так что, спасибо Сан Санычу, удружил. – В ее словах был легкая насмешка.

Думаю, если бы Саныч мог ее услышать, ему бы это точно не понравилось. Усмешка, даже легкая в устах такого чело-

века, как Аникеевна, это все равно, что выстрел снайпера. Я уже была в дверях, когда она мне в спину проговорила:

– А еще, они про нашего знахаря спрашивали, что возле Чертовой пади живет в старом скиту.

Я замерла в дверях. Потом, повернувшись к старой женщине и, усердно изображая удивление, спросила:

– А знахарь-то им зачем, или захворал у них кто?

Старушка помотала головой и горестно вздохнула:

– Да, все, вроде, здоровые... А почто спрашивали, ума не дам. Сама голову ломаю... – И добавила совсем другим тоном. – Ты ведра с огурцами да зеленью на крыльце не забудь. Только, опосля все банки мне верни, ну и ведра тоже. Ну, Господь с тобой, девонька. Заезжай когда... Всегда тебе рада, знаешь.

Я еще раз поблагодарила старушку и вышла из дома. Огурцы и прочую снедь, я погрузила, пообещав себе, что в следующий раз надо будет привезти старушке какой-нибудь гостинец, и отправилась на базу. А в голове одна мысль мне не давала покоя. Надо бы предупредить Прона, о том, что о нем расспрашивали приезжие гости. Потом, немного покопавшись в себе, поняла, что меня так встревожило. По непонятной пока мне самой причине, я была твердо уверена, что от этих «гостей» исходит угроза, живущим в избе на слиянии ручья и реки.

Глава 15

Когда, взятых в охотхозяйстве лошадей не вернули на третий день, люди заволновались и отправились на поиски пропавшей семьи. Прошли по маршруту, нашли пещеру, в которой произошел обвал, и поняли, что случилось несчастье. А неподалеку, на стоянке, возле давно остывшего костра, обнаружили мальчика. Он лежал, свернувшись калачиком на подстилке из пихтовой лапки возле костра. Его голова была совершенно седая, без единого темного волоска, а левую половину лица пересекал большой шрам. Удивление вызывал тот факт, что шрам уже был зажившим, словно мальчик его заработал уже несколько лет назад. Ни воспаления, ни крови, будто операцию проводил в лучшей косметологической клинике какой-нибудь профессор, светило-хирург. И одежда на нем была чистая, не подранная, без каких-либо следов крови, вроде как он только что ее надел, а не находился в тайге уже несколько дней. И еще, когда его увозили, на внутренней стороне запястья обнаружили еще один странный шрам, больше похожий на ожог в виде пересечения трех изломанных линий, покрасневший и слегка припухший, будто нанесен он на руку подростка был совсем недавно.

Мальчик был без сознания, и его сразу отправили в местную больницу. Ни по дороге, ни уже на месте, он так и не пришел в сознание. Врачи забеспокоились, что он впал в ко-

му. Но, в таком состоянии перевозить его в областную клинику посчитали опасным. На консультацию вызвали профессора из города.

Тем временем, на место трагедии прибыли спасатели, чтобы разобрать завал в пещере. Но, найти там живых уже никто не надеялся. И как оказался ребенок один возле костра, да еще с таким шрамом никто не мог понять.

Олег очнулся в больнице. Белые стены, запах хлорки и люди в белых халатах, окружающие его со всех сторон. Он опять зажмурился, пытаясь понять, как он здесь оказался. В памяти всплывали только неясные образы. Сильный грохот обвала, склоненный над ними с мамой, отец, пытающийся их прикрыть от падающих камней, острая боль, а следом душевная темнота. Но, это было еще не все. Он это точно знал. Было еще что-то, он старался вспомнить изо всех сил, что же это было, интуитивно чувствуя, что это и было самое важное, но картинка была словно в тумане, все время ускользала от него. От собственного бессилия он молча заплакал. Слезы просто катились, словно сами по себе из-под закрытых ресниц. И тут он услышал взволнованный женский голос.

– Доктор, он очнулся!

Тут же, рядом с собой он почувствовал какую-то суету. Медленно открыл глаза. Над ним склонился мужчина в белом халате, по виду очень похожий на Эйнштейна с фотографии, которая висела у отца в кабинете, только этот мужчина был еще в очках. Он принялся говорить с Олегом ласковым

голосом, словно тот был маленьким ребенком:

– Ну-с, молодой человек, как вы себя чувствуете? Что у нас болит?

Олег молча смотрел на него, и не отвечал. У него не было желания вообще говорить. Все слова куда-то подевались. Потом его начали вертеть во все стороны, цеплять какие-то провода, ставить какие-то уколы. Он с равнодушием, несвойственным подросткам в его возрасте, смотрел все время в потолок, никак не реагируя на все эти манипуляции с его телом. Как странно ему подумалось про себя самого. Будто все это происходило не с ним, а именно, с его телом, а он сам все это время был просто сторонним наблюдателем. Но эта мысль так же только скользнула по краю сознания, не вызвав никаких особых эмоций.

Дни полетели за днями, и Олег не мог сказать, сколько их было. Время для него превратилось в какую-то другую субстанцию, которую, как воду можно было разливать по стаканам дней и кружкам ночей. Он не спал и не бодрствовал, находясь в каком-то состоянии полузабытья. Словно для него сейчас существовало два мира, и в обоих мирах он пребывал только наполовину.

Вскоре, он начал вставать, принимать самостоятельно пищу, силы возвращались к нему очень быстро. Чему удивлялся весь медперсонал. Однажды, в очередной раз открыв глаза, рядом со своей кроватью он увидел дядю Сережу. Это был друг отца, и Олег это хорошо помнил. Мужчина смотрел на

него с жалостью, словно, на больную собаку, и Олега это почему-то разозлило. Но, он опять не проронил ни слова, просто выражая взглядом свое негодование по этому поводу.

— Олег, крепись...

Что последует за этим его «крепись» Олег уже знал. Он знал это сразу, как только начинал вспоминать, что произошло с ним там, в пещере. Родители остались там навсегда. Отца нашли сразу, почему-то, почти у самого выхода из пещеры, только слегка присыпанного камнями. А вот тело мамы так и не было обнаружено. Решили, что лавиной обрушившихся камней ее унесло вглубь, куда спасатели добратсья так и не смогли.

Поговорив тихо о чем-то с доктором, дядя Сережа забрал его к себе. Ванька с Федором старались расшевелить его и поддержать, как могли, но, в их взглядах Олег видел ту же жалость, словно к больному псу, как и у дяди Сережи. И это отгораживало от него ребят, словно прочной стеной. Но, испытания на этом не закончились. Вскоре умерла бабушка Анфиса. После известия о гибели дочери и зятя ее разбил инсульт, она впала в кому и так умерла, не приходя в сознание. Дядя Сережа рассказывал об этом тихонько Федору, старшему сыну, советуясь с ним, как можно сообщить эту печальную новость ему, Олегу. А Олег стоял рядом с дверью и все слышал. Заметив мальчика на пороге кухни, дядя Сережа сначала испугался, но увидев его реакцию на известие, слегка озадачился. Олег молча ушел в свою комнату, кото-

рую делил с Ваней, лег в кровать, и отвернувшись к стене крепко зажмурился. Его рвала изнутри такая страшная боль, что впору выть и кататься по полу. Но он, сжав кулаки, и закусив до крови губу, молчал, глотая горькие слезы. Он – мужчина, а мужчины не плачут, так ему всегда говорил отец.

Прошло еще немного времени, и к ним в дом пришла незнакомая женщина, которая оказалась работником социальной службы. Дядя Сережа провел ее на кухню и закрыл дверь. Но Олег, как только увидел ее на пороге их квартиры, сразу понял, она пришла за ним. Дядя Сережа сначала о чем-то тихо разговаривал с ней, а потом, перешел на высокие тона, и Олег, невольно услышал весь их последующий разговор.

– Я же собрал все документы, которые вы требовали! Я хочу усыновить этого мальчика! Он с раннего детства в моей семье и мои сыновья ему, как братья! Он сын моего погибшего друга, в конце концов! И я имею право, поступить так, как сочту нужным!!

Женщина ответила ему сухим казенным голосом.

– Я вам уже в третий раз объясняю, что ваше заявление об усыновлении мальчика отклонено. Вы не его родственник, и, насколько нам известно, уже воспитываете двоих сыновей без матери. Если мне не изменяет память, вы, кажется, геолог? Значит большинство своего времени вы проводите вне дома, работа у вас такая. А мальчик в таком возрасте, когда за ним нужен глаз да глаз. Я не собираюсь с вами спорить.

Вот постановление. Вам разрешено самому привезти мальчика в детский дом. Адрес здесь указан. И, разумеется, вы сможете его навещать.

Дверь с шумом распахнулась, и женщина решительным шагом направилась к выходу, мельком взглянув на замершего столбом посередине комнаты Олега. Этим вечером дядя Сережа напился практически до бесчувствия. Он сидел один на кухне, закрыв дверь и, прогнав мальчишек прочь, громко выл, словно раненый зверь. Это было очень страшно. Когда жизнь ломает сильного человека, это всегда страшно. Федор с Иваном сидели в комнате и смотрели на кухонную дверь перепуганными глазами, не зная, не понимая, что предпринять. Олег открыл двери и сделал шаг к, сидящему у стола человеку. Таким он дядю Сережу видел первый раз в жизни. Мальчик молча положил руку на плечо взрослого мужчины, и посмотрел тому в глаза. Серьезно, печально и понимающе.

В детском доме ему пришлось несладко. Шрам на лице и его упорное нежелание говорить, делали его предметом всеобщего настороженного внимания и издевательств. Сначала он просто сторонился остальных детей, отгораживаясь от них стеной молчаливого равнодушия. Некоторыми это было истолковано неправильно. Они решили, что он слабак – калека. И вскоре им пришлось об этом горько пожалеть. Дрался он дико, яростно, безо всякой жалости, словно загнанный в угол волк, на которого кидалась свора охотничьих собак. Кое как, нескольким воспитателям удалось его скрутить и

запереть в кладовой. Всех напугало до смерти то неистовое, почти нечеловеческое пламя, которое горело в его глазах. А через несколько дней, когда после продолжительных нравоучений и строгостей, его вернули в общую спальню, той же ночью он сбежал. Его выловили на железнодорожной станции через неделю в товарном вагоне, в котором он, сломленный усталостью и голодом, уснул прямо на грязных досках пола. Вернули обратно в детский дом, где за ним прочно закрепилась слава «трудного подростка». Директор детского дома строго ему выговаривал, что, если он совершит хоть еще один проступок, его переведут в колонию для малолетних преступников. Пугал он так Олега, или вправду имел такие намерения, мальчику было не интересно. Правда, после этого случая к нему больше не лезли. Смотрели в спину с ненавистью, но задевать больше не смели. Даже старшие ребята, старались с ним не связываться, и с презрением его называли «одноглазым Одином».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.